

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр



Афанасьев



В ОГНЕ

Бремя империи

Александр Афанасьев

**В огне**

«ЭКСМО»

2012

## **Афанасьев А. Н.**

В огне / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2012 — (Бремя империи)

В этой реальности Российская Империя была могущественной и богатейшей страной. Но так же, как в нашем мире, ее враги ни на секунду не ослабляли подрывную деятельность против нее. Бессмысленный мятеж в Польше, чудовищное восстание исламистов в Персии, залившее кровью всю эту древнюю страну, — происходили при их вмешательстве и поддержке. Цель фанатиков — установить всемирный Халифат и заставить людей всей земли жить по законам шариата — не отпугивала их британских покровителей. Зло, которое, прикрываясь именем Аллаха, несли террористы, уже полыхнуло атомным Армагеддоном...

© Афанасьев А. Н., 2012

© Эксмо, 2012

## Содержание

29 июля 2002 года	5
29 июля 2002 года	9
29 июля 2002 года	16
29 июля 2002 года, вечер	21
30 июля 2002 года	24
31 июля 2002 года	29
28 июля 2002 года	36
01 августа 2002 года	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

## Александр Афанасьев

### В огне

*До тех пор, пока ты не принял окончательное решение, тебя будут мучить сомнения, ты будешь все время помнить о том, что есть шанс повернуть назад, и это не даст тебе работать эффективно. Но в тот момент, когда ты решишься полностью посвятить себя своему делу, провидение оказывается на твоей стороне. Начинают происходить такие вещи, которые не могли бы случиться при иных обстоятельствах... На что бы ты ни был способен, о чем бы ты ни мечтал, начни осуществлять это. Смелость придает человеку силу и даже магическую власть. Решайся!*

*Иоганн Вольфганг Гете*

### 29 июля 2002 года

### Тегеран

### Посольство Российской империи

Воистину, дурак хуже предателя.

Потому что ни один предатель не додумается, ему просто в голову не придет натворить такое, что может натворить самый обыкновенный дурак.

Когда я набирался ума в училище, в числе прочего нам преподавали тактику. Поскольку училище было морское, Нахимовское – нам преподавали морскую тактику. Компьютеров и симуляторов виртуальной реальности, позволяющих учить капитанов в пределах учебного класса<sup>1</sup>, тогда еще не было, сражения разыгрывали по картам и схемам. А потом еще и дед, когда у него было время, проверял мои домашние задания. И тогда-то он нередко безжалостно перечеркивал своим капитанским красным карандашом результаты моих экзерсисов и говорил: проще надо. Проще! Не выдумывай! Чем проще план, тем меньше вероятности, что что-то пойдет не так. План должен быть неожиданным для противника – и в то же время простым. Не пытайся разыгрывать большие многоходовки и подражать великим флотоводцам прошлого – то, что у них получилось, могло получиться лишь по случайности. Один дурак на мостике, один неправильно понятый приказ – и все пойдет кувырком. Защищайся от дурака, отдавай такие приказы, которые невозможно понять неправильно.

Кстати, нередко задачи, за которые дед ставил мне пятерку, в училище оценивали на трояк...

...Повезло мне даже больше, чем я рассчитывал, – вместо дороги к посольству я выскочил к тому месту, где стояли наши машины, машины дипломатического корпуса. На улицах был полный бардак, в нескольких местах уже стреляли, я заметил, что торговцы поспешно закрывают лавки и магазины ставнями – это был совсем плохой симптом. Торговцы в странах Востока – это самый чувствительный барометр состояния общества.

Стрельба усиливалась...

Кое-кто из дипломатов уже был на стоянке, кого-то не было. Заметив меня, из машины выскочил Вали, он сидел так, как я ему и приказал – не открывая ни дверей, ни окон. Машина бронированная, но если водитель не проявляет должной осторожности – бросить гранату в открытое окно машины проще простого...

---

<sup>1</sup> Сейчас они есть и в нашей реальности. Производит фирма Транзас, Санкт-Петербург, и они – лучшие в мире.

– Помоги...

Вместе мы уложили принца на заднее сиденье «Руссо-Балта» – хоть какая-то защита.

– Поехали в посольство! Быстрее, надо успеть, Вали! Надо успеть!

Вали засигналил, стуча кулаком по старомодной кнопке клаксона, прорываясь с переполненной стоянки:

– Что произошло, эфенди Искандер?

– Там у нас, на заднем сиденье, – новый шахиншах Ирана.

*Это была первая моя глупость – возможно, самая страшная из всех проявленных мною за день. Из-за нервов, из-за произошедшего я утратил контроль над ситуацией, забыл одну простую истину – кругом враги. Просто, когда какой-то человек находится рядом с тобой длительное время, помогает тебе, ты начинаешь воспринимать его как «своего», такова особенность человеческой психики. Человек вообще всех людей, окружающих его, подсознательно делит на «своих» и «чужих». И не всегда это деление правильно.*

*Так что шахиншах Хусейн Хоссейни правил своей страной всего лишь двадцать семь минут, в то время как его отец – больше двадцати лет.*

– Вай... – Вали покачал головой.

– Надо прорываться к посольству. Поезжай как можно быстрее.

– Слушаюсь, эфенди Искандер.

Между передними сиденьями «Руссо-Балта» был установлен телефон, верней, даже не телефон, а аппарат транковой связи. Примерно прикинув, что надо делать в первую очередь, я телефонировал по общему номеру посольства.

– Посольство Российской империи, слушаю вас...

Голос был женским. Даму звали Мария, она сидела на коммутаторе и решала все входящие вопросы и телефонные звонки, причем делала это быстро и четко. Без нее посольство потеряло бы примерно тридцать процентов эффективности своей работы, воцарился бы самый настоящий бардак. Слушая ее ангельский голос в трубке, можно было много чего вообразить, но когда я первый раз увидел ее лично – пришел в ужас. Все-таки сто десять килограммов при ста семидесяти сантиметрах роста... это сильно. Но все же дамой она была веселой, неунывающей и вклад в общую работу вносила громадный.

– Мария, это я... Дай мне ноль один ноль. И распорядись, чтобы немедленно заперли ворота посольства, а все гражданские вернулись в Зеленую зону. Закройте консульский отдел, всем русским, кто к вам обращается, предлагайте немедленно покинуть страну. При необходимости оказывайте возможную помощь.

– Хорошо, ваше превосходительство. – Мария не стала проявлять обычное женское любопытство и задавать вопросы, на которые я не имел ответа.

В трубке щелкнуло раз, потом еще раз – и женский голос сменился на мужской:

– Дежурный, слушаю вас.

– Это князь Воронцов. В городе чрезвычайная ситуация. Я буду в посольстве через... минут десять. Поднимайте бодрствующую смену, всем получить дополнительный боекомплект, занять оборонительные позиции. Если есть тяжелое вооружение – выставляйте. На территорию посольства не пускать никого из местных, ни военных, ни гражданских. Подтвердите.

– Вас понял, разрешите действовать.

– Разрешаю. Я буду через десять минут у главных ворот посольства, наш «Руссо-Балт». Больше никого чужих не пускать и самим носа на улицу не высовывать.

– Есть...

Кружилась голова, болела нога, все сильнее и сильнее. Мало того что добавилось осколками, так теперь еще и это. Конечно, с прошлого раза все зажило, но обновлять подобное снова и снова – скверное дело.

*Что там произошло?*



Одиночный танк... все не выглядит мятежом, хотя это может быть всего лишь спусковым крючком. В армии никто никому не верит, процветает и культивируется доноительство... господа, я просто не представляю, как бы *такая* армия стала работать по плану «Аргон». Непременным условием существования армии как единого боевого организма, как организованной силы является доверие солдат к офицерам и доверие офицеров друг к другу. Если же в армии доносят друг на друга, стучат, чтобы убрать конкурента и продвинуться по службе, вступление такой армии в бой ни к чему, кроме беды, не приведет, она просто разбежится при первых же серьезных ударах противника. В свое время в Российской империи по глупости сформировали в составе МВД и вынуждены были через некоторое время расформировать департамент военной контрразведки. Все дело было в том, что военные считали для себя низостью сотрудничать с жандармами и доносить на сослуживцев, вне зависимости от того, что донесено. Если о ком-то узнавали, что он «фискалит», можно было стреляться, ни один человек в офицерском собрании не подал бы такому руки. В свое время ходила легенда – в одной из кадеток учился внук адмирала, ему приходилось туго, и он фискалил руководству училища. В конечном итоге приехал сам адмирал, выстроили всех кадетов, вышел и сказал: ну что ты будешь делать?.. Что вы, не можете перевоспитать моего внука, вашу мать – он ведь и мне нафискалил.

Вот так!

Возможно, танк – это всего лишь выступление небольшой группы. Если оно увенчается успехом – выступят уже все силы заговорщиков, если нет – это останется отчаянным актом одиночек. В таком случае у нас есть несколько часов, чтобы взять ситуацию под контроль. Потом все взорвется...

Шахиншах Хусейн пошевелился на заднем сиденье, попытался устроиться поудобнее. Между передним и задним сиденьем существовала поднимающаяся перегородка, но сейчас она была опущена.

– Потерпите, еще немного. Сейчас приедем в посольство.

– Искандер... надо ехать... во дворец.

– Успеем!

Если во дворце заговорщики, то мы попадем прямо к ним в руки. Нужно выводить из ППД русские дивизии, брать под контроль город. Нужно, чтобы советнический аппарат провел работу в подсоветных частях, разъяснил, что произошло...

Народа на улицах было много – и он все прибывал и прибывал, автомобильное движение почти встало, и мы пробивались вперед с клаксоном и руганью. На Востоке любой скандал вызывает массовое столпотворение, моментально образуется толпа, и один опытный человек может из любой искры разжечь страшное, всепожирающее пламя.

Люди уже ходили по проезжей части дороги, все стремились к центру города.

– А... шайтан!

Какой-то автомобиль, пытаясь протиснуться, ударил нам в крыло, несильно, но чувствительно.

– Протискивайся. Машина бронированная. Главное – добраться.

*Главное – добраться...*

Добрались – в дипломатическом квартале было поспокойнее, но народ тоже был. В основном – любопытствующие. На их месте я бы все-таки сидел дома, а не любопытствовал.

Вот и ворота. Господа, приехали...

– Сигналь. Короткий, длинный, короткий...

– Понял, эфенди Искандер.

Хриплый старомодный гудок пневматического клаксона разорвал тишину. Короткий – длинный – короткий...

– Давай еще раз!

Короткий, длинный, короткий. Ноль – один – ноль.

Ворота дрогнули, пошли в сторону. За ними – гвардейцы, в шлемах, в бронежилетах, с оружием. Даже если бунтовщики прорвутся в дипломатический квартал, не важно – разъяренная толпа или воинская часть – в посольстве двадцать четыре хорошо вооруженных гвардейца. Если и не удержим, то кусаться будем больно.

– Правь ко главному входу.

Вали ничего не ответил, машина плыла по дорожке, посыпанной мелким щебнем, камни шуршали под шинами. Слева от дорожки двое гвардейцев устанавливали на станок крупнокалиберный пулемет.

«Руссо-Балт» остановился, к машине подошли двое гвардейцев, я открыл дверь им навстречу:

– Осторожнее. Принц ранен, нужен доктор.

Вместе открыли дверь, помогли выбраться принцу Хусейну. Один из гвардейцев победил, чтобы открыть тяжеленную дверь парадного входа посольства. Мы были дома...

– Ты второй раз спасаешь мне жизнь, Искандер, – сказал шахиншах.

– Пустое...

– Оружие!!!

Что-то ударило мне в спину, отправляя наземь, потемнело в глазах, но сознание я не потерял. Упав лицом вперед на мраморные ступени посольства, я разбил все лицо, кажется, лишился пары зубов, рот стремительно наполнялся чем-то горячим и соленым. Надо мной загремел автомат, стрелял кто-то из гвардейцев. Что-то тяжелое, свинцово-тяжелое, тянуло меня в бездну, в спасительную черноту небытия, где нет ни боли, ни предательства, ни измены, и я как мог этому сопротивлялся. Но недолго...



**29 июля 2002 года**

**Тегеран  
Площадь**

Шах мат. Король мертв.

Есть нечто странное в любой диктатуре восточного типа. В них, в отличие от диктатур западного типа, власть предельно персонифицирована. Если в западных странах любая власть, в том числе и диктаторская, зиждется на какой-то идее, идее общественного мироустройства, привлекательной для значительного (не всегда большинства) количества людей, то восточная диктатура всегда предельно персонифицирована, это власть одного конкретного человека. На Востоке власть – это всегда власть конкретного человека, и служба – это служба всегда конкретному человеку. Поэтому, кстати, власть на Востоке передается с большими проблемами и часто с кровью, даже если речь идет о передаче по родственной линии, заранее оговоренному и находящемуся в полном праве наследнику. Пока диктатор жив – империя его жива и сильна, но стоит диктатору погибнуть – все рушится, будто карточный домик, все меняется стремительно и с кровью. Более устойчивая при жизни диктатора – в отличие от западных империй, здесь не надо согласовывать интересы перед тем, как что-то сделать, речь идет всего лишь об интересах одного лица – после его гибели, причем гибели публичной и жестокой, власть рушится в одно мгновение. Для разрушения всей властной пирамиды в восточной стране достаточно всего лишь, чтобы кто-то показал, что король – голый, что он не наместник Аллаха на Земле, что он такой же человек, как все. Смертный человек.

Здесь и сейчас всем достаточно убедительно это продемонстрировали.

Когда один из танков, следовавших в колонне, открыл огонь, не все это услышали, строй сбился. В танке вообще слышно и видно плохо, тем более что механик-водитель сидел в танке «по-боевому», из башенного люка высовывался только командир, приветствующий диктатора. В итоге почти все командиры, танки которых находились на площади, увидели, что произошло, но предпринять что-то осмысленное смог только один – тот, что таранил танк-убийцу. Остальные – кто отдал приказ остановиться, а сделать это было не так-то просто, на площади останавливаться было нельзя под страхом смерти, у каждого в танке сидел офицер САВАК и строго следил за исполнением приказа, в итоге двух командиров танков тут же и застрелили саваковцы, взяв на себя командование и приказав продолжить движение. Не мог офицер САВАК сам посмотреть, что происходит – люк в башне был один, сначала должен был вылезти командир танка, и только потом офицер спецслужбы. Какие-то танки – один остановился, другой продолжал движение – столкнулись друг с другом. Те подразделения, которые должны были начать движение за танками, не знали – то ли им начинать движение, то ли нет – ведь они не видели, что произошло, и не знали причины задержки. В какие-то минуты на площади воцарился полный хаос и бардак.

Командиром одного из танков, следующих по площади в парадном строю, оказался офицер по имени Сабет Ан-Нур. Это был опытный и много повидавший вояка, как и многие другие, тайно ненавидевший режим, но одновременно и боявшийся его, и поэтому продолжавший ему служить. Служил он режиму еще и потому, что был персидским националистом, а шахиншах очень тонко играл на струнах национализма, противопоставляя персов как потомков ариев грязным арабам. Не официально, конечно, русский престол никогда не позволял столь открытого и беспардонного стравливания одних народностей с другими, но разговоры такие велись, и их никто не пресекал, хотя вокруг было полно агентов САВАК. Подполковник Ан-Нур видел, что армия за последние пять лет увеличилась чуть ли не вдвое, на вооружении появилось то,

чего раньше никогда не было. Из этого он делал свои выводы, и выводы эти были пока благоприятными для режима.

Когда все началось, его танк уже миновал трибуну, где находился шахиншах, не говоря уж о трибуне с наследником и иными официальными лицами. Он повернулся как раз для того, чтобы увидеть – «нулевая» трибуна почти вся, кроме первого уровня, была затянута облаком грязно-бурого цвета. Сначала он подумал, что на трибуне было заложено взрывное устройство, но потом увидел танк с пушкой, направленной в сторону трибуны, и сразу все понял.

Он нырнул в башню как раз в тот момент, когда танк-убийца открыл огонь по трибуне из крупнокалиберного пулемета.

– Остановить машину! – заорал он.

– Нет! – крикнул офицер САВАК. – Нельзя!

Офицер САВАК был на десять лет моложе подполковника, и родом он был из Захедана, из самой что ни на есть глуши. Это тоже была иезуитски хитрая политика шахиншаха – офицеров САВАК набирали из нищих семей, из самых глухих окраинных провинций, что давало весьма положительные для режима эффекты. Выросшие в нищете персидского захолустья, они попадали в крупные города, где они никого и ничего не знали и всего боялись. В их городах на улицах еще были ослы, а в Тегеране было самое настоящее, построенное русскими инженерами метро<sup>2</sup>. В Тегеране по улицам днем и ночью тек нескончаемый поток машин, по вечерам «правовверные», вместо того чтобы отдать Всевышнему положенное число ракатов<sup>3</sup> и отправляться спать, отправлялись в различные увеселительные заведения и веселились там до утра в компании тегеранских девушек, зачастую с не слишком твердыми моральными устоями. Выходцев из провинции это шокировало, режим действовал очень хитро – какое-то время, перед тем как поступить в академию САВАК, провинциалы жили в общежитиях в городе, за счет шахиншаха. Девушку в общежитие, понятно, не пригласишь, не пойдет, да и коренные всегда смотрят на провинциалов с известной долей превосходства. Нередко затевались и драки. В итоге, когда будущий офицер САВАК поступал в академию, в нем уже прорастали ядовитые зерна ненависти «ко всем этим». Именно это и нужно было шахиншаху.

Обучение офицера САВАК состояло из двух частей. Первая – академия, где преподавали, в том числе и русские (для контроля, кому и что преподают), обучавшие студентов самой обычной полицейской работе. А вот потом новобранцев для завершения учебы зачисляли в учебные подразделения, и вот там-то офицеры САВАК учили новобранцев совсем другому. Что Тегеран и другие столичные города продались, и что они против шахиншаха, и что только шахиншах защищает единство Персии. Что армия – это гнездо заговорщиков, что они против народа. В армии всегда кого-то арестовывали, и арестованных офицеров отдавали на расправу этим новобранцам. А когда молодой человек избивает ногами и дубинкой офицера вдвое старше его, а по чину – старше десятикратно, это дает о себе знать. Из них так лепили верных псов режима, внушали, что сила – за ними и что они, малограмотные, нищие, вышедшие из захолустья, вправе распоряжаться жизнями «всех этих». Но даже после этого, после подобной обработки обычный офицер САВАК оставался всего лишь нищим малограмотным пареньком из захолустья, который в критической ситуации не может самостоятельно принять решение, он может лишь тупо, с яростью и фанатизмом исполнять приказы, какими бы они ни были.

– Там Светлейшего убили, идиот! – заорал офицер. – Останавливай!

Известие о произошедшем произвело на офицера САВАК, которому от роду-то было двадцать шесть лет, именно то действие, какое и должно было произвести. Он не поверил, а в душе – дико испугался. Потому что сразу понял: правда, не может быть такой лжи, и сейчас им придется отвечать за все то, что они натворили.

<sup>2</sup> В реальности метро в Тегеране нет.

<sup>3</sup> **Ракат** – молитва. Намаз состоит из отдельных молитв – ракатов, которых в одном намазе бывает от двух до четырех.

– Нет! – Офицер САВАК держал в подрагивающей то ли от вибрации танкового дизеля, то ли от страха руке револьвер. – Нельзя! Продолжать движение!

– Иди, сам посмотри! Сам посмотри, он убит!

В этот момент произошло то, что и должно было произойти – танк с ходу, пусть и малого, напоролся на вставший впереди танк, всех от удара бросило вперед. В отличие от офицера САВАК, подполковник знал, за что хвататься, и удержал равновесие. В следующую секунду он ударил офицера САВАК в лицо и отнял у него револьвер.

– Сидеть!

– Вас расстреляют!

Долгие годы подполковник Ан-Нур, как и все другие офицеры, жил в атмосфере страха. Страх в этой стране не был каким-то обычным – это была атмосфера страха, и в ней двадцать четыре часа в сутки жили люди. Это сложно объяснить, только тот, кто прошел подобное, знает, что это такое. Вот ты обедаешь в ресторане и тебе ясно, что кого-то из тех, кто обедает рядом с тобой, скоро заберут как заговорщика. И это – обычное явление, как дождь или град, и ничего сделать нельзя. Нужно просто жить, пока некто сверху, могущественный и вольный распоряжаться твоей жизнью и жизнью других людей, не обратит на тебя внимание.

А сейчас подполковник Ан-Нур смотрел в глаза, по сути, еще пацана, невысокого, худенького подростка в форме, сильно ударившегося головой обо что-то и потерявшего свое оружие. Саваковец больше не был символом той безликой (хотя почему безликой?!) могучей силы, перемалывающей в порошок людские судьбы, он был просто испуганным недорослем, которого в армии первым делом заставили бы вычистить туалет. И тут подполковник Ан-Нур впервые по-настоящему ощутил в своей руке тяжесть оружия как инструмента судьбы, как магической палочки, позволяющей властвовать и повелевать над другими людьми, над их жизнью и смертью. Конечно, у подполковника было собственное табельное оружие, которое лежало сейчас в опечатанной САВАК оружейной комнате бригады, но он никогда не воспринимал его так, раньше оружие было просто железной стреляющей штукой. А вот теперь он ощутил его по-другому, и это ему чертовски понравилось.

– Сиди здесь, дурак... – зачем-то сказал он саваковцу, – может, жив останешься.

И полез в люк.

К этому моменту танк заговорщиков уже проломился в Парк шахидов, и значительная часть офицеров САВАК, из тех, кто охранял трибуны и остался в живых, побежали за ним, стреляя на ходу из автоматов. Танки уже остановились, кто-то сам по себе, а кто-то – наткнувшись на другой танк, с них спрыгивали офицеры, бежали туда, где висело черное облако...

Бежать по площади, заставленной кое-как брошенной бронетехникой, не так-то просто – это самый настоящий бег с препятствиями. Когда подполковник огибал очередной танк, на него с брони прыгнул, чуть не сшибив с ног, майор Сабаави, тоже командир танка.

– Осторожнее!

– Что там?

– Сам не видишь?!

Зрелище, представшее перед офицерами, наконец пересекшими широкую, заставленную техникой площадь, было ужасающим. Край проезжей части, за который нельзя было заступать никому – по заступившему охрана открывала огонь без предупреждения, – был отмечен быстроустанавливающимися заграждениями. В бетон было вделано еще при строительстве площади нечто вроде втулок, и во время торжественных мероприятий в них вставляли штыри, на которых держались решетки заграждения. Сейчас все это было проломлено танком, а напротив трибуны еще и было забрызгано чем-то черным, не красным, а именно черным. Удар осколочно-фугасного танкового снаряда пришелся как раз туда, где стоял Светлейший, и теперь там не осталось ничего, бетон не был пробит, но все было изломано и искорежено, а людей просто разорвало на мелкие, не поддающиеся опознанию куски. Тех, кто стоял ниже – охрана, –

посекло осколками снаряда и мелкими осколками бетона, у кого-то оторвало голову, у кого-то руки и ноги. Кто-то был еще жив – черные *человеческие обрубки* шевелились, некоторые даже стонали, но спроси в тот момент у любого из офицеров, есть ли выжившие, он бы ответил – нет. Все это – и те, кто уже умер, и те, кто вот-вот должен был отправиться к Аллаху, – воспринималось как единая, слитная картина ужасающей смерти.

На второй трибуне обстановка была еще более жуткая, просто непредставимая человеческому разуму. Некоторые из тех, кто это видел, – потом так и не смогли оправиться от увиденного.

Пули калибра 14,5 миллиметра – именно такого калибра пулемет был спарен с основным оружием в танке – при попадании в незащищенное ничем тело человека, да еще и с близкого расстояния, просто разрывает его на куски. Это верная смерть, если Аллах милостив – то сразу, если же нет...

Вся вторая трибуна была залита кровью, крови было столько, что она текла по бетону ручьями, собираясь внизу в настоящее море. Все уровни трибуны представляли собой человеческое месиво – *куски людей*, сами люди, смертельно раненные, но все еще цепляющиеся за жизнь, и уже мертвые – разобраться было сложно.

Подполковник Ан-Нур в числе других офицеров бросился на помощь тем, кого еще можно было спасти. Перепрыгнув ограждение, он схватил кого-то – это был гвардейский офицер, по крайней мере человек в мундире со знаками различия Гвардии Бессмертных, потащил вниз, потому что вверху ничего сделать было нельзя. Стащив его вниз, он увидел, что это не кто иной, как генерал Шах-Джавад, командующий Гвардией Бессмертных. Одной ноги у него не было, ее оторвала пуля выше колена. Но пульс был, слабый, но был. Жгута у подполковника не было, но он, как все армейские офицеры, знал, как следует поступать в таких случаях. Выдернув из брюк ремень, он начал накладывать жгут выше раны...

– Стоять!

Подполковник услышал это, но продолжал накладывать жгут. И только когда грохнул пистолетный выстрел, а жгут все-таки был наложен, подполковник поднял глаза.

Группа саваковцев, сгрудившись около одного из них, видимо, старшего, с роскошными черными усами, стояла около трибуны, держа под прицелом офицеров. В критической ситуации они не смогли придумать ничего умнее, кроме как продемонстрировать собственную власть...

В этот момент вдали, там, куда ушел танк заговорщиков, глухо гроыхнуло – еще один пушечный выстрел.

Их было меньше, чем офицеров, раза в два, но у них было оружие. У каждого. Подполковник ощутил, как брюки медленно сползают на правую сторону – ремня не было, а в правом кармане был револьвер...

– Ты что, идиот? – спросил саваковца один из офицеров. – Людям помощь оказать надо!

– Стоять! Заговорщики!

*И в самом деле – идиот...*

Увы, на самом деле идиотом этот старший офицер САВАК не был. Просто ситуация уже изменилась, и режим уже изменился, а он все еще этого не понял. Он думал, что сейчас подъедут люди из Гвардии Бессмертных, заберут всех этих заговорщиков, они предстанут перед трибуналом, и трибунал вынесет им приговор – конечно же, смерть. До него до сих пор не дошло, что режима больше нет, потому что Его Светлость только что разорвало на мелкие куски, и Гвардия Бессмертных не возьмет ситуацию под контроль, потому что ее командующий истекает кровью в десяти метрах от него. И им никто не даст команду, потому что генерал Мешеди, руководитель тегеранского отделения САВАК, находится на третьем уровне трибуны, а его голова – на четвертом, в виде буро-коричневых брызг и осколков костей черепа. И что сейчас прав будет тот, у кого есть оружие и решимость его применить, а не тот, кто носит

мундир САВАК или какой-либо другой. Государство рушилось, словно карточный домик, и стены уже тряслись, но саваковец этого не почувствовал.

Длинная автоматная очередь резанула от пролома, проделанного танком, несколько пуль пришлось в гущу офицеров САВАК, и они упали, как сбитые шаром кегли, бросились на землю и другие офицеры – кто раненый, кто – просто ища защиты. Упал и подполковник, прямо в грязь и кровь, бетон здесь был испятнан кровавыми следами сапог. А в следующую минуту кто-то крикнул – огонь! – и подполковник привычно выхватил из кармана револьвер и из положения лежа послал две пули в том направлении, откуда стреляли, и саваковцы стреляли туда же из всего, что у них было.

Автоматный огонь заглох.

Ан-Нур встал, машинально отряхнул парадный мундир, хотя он сверху донизу был в кровавых пятнах и ничем это было не отстирать, и руки его были тоже липкими от крови, и другие также были в крови. Вместе с двумя офицерами САВАК, оставшимися в живых, держа наготове оружие, они пошли туда, откуда велся огонь.

Это был пацан. Пацан с короткоствольным автоматом, такие закупают для САВАК. Он не знал, как стрелять из автомата, но русский автомат – простое в обращении оружие, и он сумел разобраться в нем и выпустить в них все, что было в магазине, одной очередью. Он не пытался укрываться, потому что не знал как – он просто навел ствол автомата на тех, кого считал своими врагами, и нажал на спуск. Потом они убили его – и сейчас этот пацан лежал на спине, еще одна жертва свершившейся бойни, вместо левого глаза у него была кровавая дыра, а на пропитавшейся кровью футболке еще две. Он увидел, как где-то валяется автомат, скорее всего там, где прошел этот чертов танк. Он подобрал его и пошел посмотреть, что происходит. И увидев, он, не задумываясь, открыл огонь по ним, армейским офицерам, и по агентам САВАК. Это был простой, проходивший мимо и случайно увидевший автомат пацан, не заговорщик, самый обычный пацан.

И вот что он наделал.

И в этот момент подполковник Ан-Нур понял одну простую вещь. Что надо или срывать с себя мундир и бежать отсюда со всех ног, или что-то делать, делать прямо сейчас. Потому что этот пацан, который подобрал чей-то автомат, пришел сюда и попытался их убить – это только первая ласточка, потом будут еще и еще. Что люди, поняв, что происходит, придут на площадь и убьют их, растерзают, перебьют всех до единого, потому что они не служили народу, хоть и клялись в верности ему. Они служили единственно шахиншаху, маньяку на троне, и творили зло в угоду ему, но за любым сотворенным злом следует расплата, ибо таков закон равновесия в мире. Вот пришел день, и не стало шахиншаха, и некому больше осенить дланью закона творившееся и творимое ими зло, и настал день и час, когда им придется расплатиться.

За все.

Покачивая головой, подполковник развернулся и отправился назад. Саваковцы последовали за ним.

Народа у трибун было уже много – вперемешку военные и гражданские, с каждой минутой их становилось все больше и больше. Пока ничего не происходило, но в любую минуту могло произойти. Трибуны возвышались над площадью – и то, что на них творилось, было видно всем. А творилось там страшное...

– Подполковник Нур!

Подполковник обернулся – кто-то из офицеров махал ему от танков...

У танков собралось что-то вроде инициативной группы, туда же переносили раненых – и армейских, и прочих – вперемешку. Самым старшим по званию и по должности был полковник Реза Джавад, артиллерист. Генералитет, из тех, кто был на площади, весь стоял на трибунах. С известными последствиями.

Среди них были и несколько офицеров САВАК – до них уже дошло, что они – в одной лодке с армейцами и начинать сейчас следствие по поводу заговора бессмысленно, сначала надо уцелеть.

– Подполковник Сабет Ан-Нур, танковая бригада, – представил его кто-то из офицеров.

– Еще кто-то нам нужен?

– Если кто-то нужен – подойдет. Нельзя терять время, – резко произнес Джавад, – приступаем, господа. Все понимают, что сейчас может случиться?

– Господа... – сказал Ан-Нур, – думаю, нужно сделать кое-что прямо сейчас. Нужно выстроить из танков каре, чтобы создать хоть какую-то защитную линию. Возможно, и две, танков хватит. Туда, внутрь, поместить солдат и офицеров.

– Но танки же без боекомплекта.

– Но все ли об этом знают? Да и сам танк – хоть какая-то, но защита.

– Принято, – обрубил споры Джавад, – надо это сделать. Али-шах, извольте распоряжаться.

Один из офицеров побежал выполнять приказание. В этой ситуации все ждали приказов, и тот, кто готов был их отдавать, становился командиром.

– Господа, что дальше?

– У нас нет оружия, – напомнил кто-то. – Если не достанем, ляжем все.

– Пока что на нас никто не нападает.

– Вот именно – пока что.

– Надо идти к русским!

– Господа! – Джавад снова перехватил разговор. – Речь не про русских. Кто сейчас командует? Кто глава государства?

– Наследник Хусейн, – сказал кто-то.

– Где он? Кто его видел? Его видели живым? Или мертвым?

– Нет... Нет... – прошелестело в ответ.

– Там все были на трибуне. Все и погибли. Никого больше нет.

– Значит, не командует никто. Кроме нас.

– Есть младший сын Светлейшего!

– Отлично! Где он?

– В России... кажется...

– Вот именно! А мы – здесь. Пока он вернется... Вы уверены, что ему кто-то будет присягать?! Счет идет на часы.

– Что вы предлагаете, Реза-шах? – спросил один из саваковцев подчеркнуто вежливо. Обращением «шах» он признал главенство этого офицера.

– Все просто. Мы здесь должны организовать на первых порах новый орган власти. Например... Комитет национального спасения, пусть так называется. И опираться на те силы, что у нас есть. У нас имеется оружие, просто оно не заряжено. Если будет заряжено, мы сможем удержать ситуацию под контролем в любом случае. У нас здесь сил – не меньше дивизии. Нужны патроны, снаряды. Где их взять?

– В арсенале, где же... – ответил кто-то.

– Вот именно! В арсенале. Нужно немедленно снарядить группу. Выделить несколько машин, выехать туда. На машины посадить... роты будет достаточно, ее оставить там, для защиты. Потом, после того как эти машины доставят нам снаряжение, нужно будет перебросить туда еще роты и танки.

– А русские... – сказал кто-то.

– Да что ты про русских?! Где они?

– Я видел их посланника рядом с Наследником. На трибуне.

– От русских нам сейчас помощи ждать бесполезно. Надо самим разбираться. А если разберемся, удержим ситуацию – тогда и договариваться с ними. Они немало вложили в нашу страну, им мятеж вовсе ни к чему.

Все прекрасно поняли, о чем говорил полковник. Русские согласятся на переговоры с любым, кто реально будет обладать властью и признает их суверенные права. Кто не допустит мятежа и бардака.

– Формируем колонну. Ан-Нур, вы главный. Потом... вы, вы и вы. И вы.

– Есть. – Ан-Нур и не подумал отказаться. Остальные – трое офицеров и агент САВАК – тоже кивнули в знак согласия.

– Берите солдат – и вперед. Связь поддерживать на нашей обычной частоте. Ваш позывной?

– Скакун... – Ан-Нур назвал свой обычный позывной при радиообмене.

– Отлично. Мой – Молния. Машины – впереди, они прошли перед танками. Вперед.

Четыре офицера во главе с Ан-Нуром и саваковец бросились исполнять приказание.

На площади, рыча моторами, выстраивались в геометрическое построение танки. Когда начали помещать внутрь солдат, пятой части от личного состава уже не досчитались. Началось дезертирство.



**29 июля 2002 года**

**Тегеран**

**Арсенал**

В ситуациях, подобной той, которая сложилась в данный момент в Тегеране, все решают несколько часов, не больше. Здесь ситуация усугубилась еще и тем, что не было никаких законов. Нет, они были, писанные, и даже немало, но их не было в душах людей. В нормальных странах люди чувствуют, что закону надо подчиняться, потому что иначе просто невозможно существование общества, в котором они живут. Невозможно существование страны, в которой они живут. Поэтому никакие, даже самые тяжкие, испытания не приводят автоматически к краху государственности. А вот в этой части света закон не только поддерживался путем открытого, разнузданного насилия – он систематически попирался теми, кто в структуре государства и общества отвечал за применение этого насилия. В Персии имелось довольно прогрессивное законодательство, шахиншах стремился привлечь в страну инвесторов и одновременно поддерживать нормальные отношения с сеньориальным по отношению к нему русским двором – он знал, что Белый Царь не потерпит открытого насилия и беспредела в вассальном государстве. Потому на бумаге было одно, на деле же – совсем другое. САВАК и жандармерия всегда вели себя так, как будто закон им был не писан, и не получали за это ни малейшего наказания. Продолжительность существования всей государственной конструкции Персии новейшего исторического периода: власти, судов, жандармерии, САВАК, налогов – определялась лишь продолжительностью существования страха в душах людей, тех самых, ради которых должно существовать государство, и тех самых, которые на деле становились его жертвами. А потому – вне зависимости от того, удалось бы Ан-Нуру захватить арсенал и привезти на площадь оружие или не удалось бы – государство все равно было обречено. Что, в сущности, может дивизия, пусть и вооруженная, если страх перед властью тает, будто утренняя наледь на асфальте, превращающаяся под солнечными лучами в лужицу грязной воды? Ничего.

Пока пять грузовых автомобилей – солдаты были только в двух из них – продирались по запруженным машинами и людьми улицам Тегерана (а люди уже выходили на улицы), подполковник Нур думал, что все обойдется. Что если это выходка одиночного танкового экипажа, они остановят волну, удержат готовую рухнуть плотину – надо только найти боеприпасы. Аллах свидетель, как он ошибался...

Британское государство, Великобритания, отличается от всех прочих тем, что оно первым познает самое плохое, и не только познает, но и ухитряется поставить это себе на службу. Бывшая римская захолустная колония, подвергавшаяся набегам, маленький островок в холодных водах – она сама стала величайшей державой, диктуя волю территориям и народам, в десятки раз превосходившим ее числом. Первой в мире в Великобритании произошла буржуазная революция, а король сложил голову на плахе. Теперь же Великобритания, переболев революционным безумием, сама щедро спонсировала революционных и прочих злоумышляющих, разбрасывая эту заразу, как нищий на базаре блох и вшей, бросая их в тех, кто не подал ему милостыню. В самом начале двадцатого века Великобритания первой столкнулась с агрессивным исламским террором – это был Египет, был Судан, была «речная война», в которой участвовал еще молодой Уинстон Черчилль. Тогда против британского владычества в Африке выступил тот, кто назвал себя Махди, двенадцатым пророком. Его бесчисленные племенные отряды, составленные из агрессивных племен Африки и Аравии, британские войска рассеяли благодаря технической новинке – пулемету конструкции Хайрема Стивена Максима. Победа

эта была пирровой – человек по имени Пауль фон Леттов-Форбек<sup>4</sup> положил конец британскому владычеству на континенте. Но Махди и дело его остались в заглавниках британцев, чтобы быть примененными спустя столетие.

Специальный отряд Пагода, состоящий из бойцов САС, уже находился в Тегеране в полном составе, а сейчас, в ту самую минуту, когда малочисленный и почти невооруженный отряд подполковника Нура направлялся к арсеналу, несколько военно-транспортных самолетов «Белфаст» поднялись в воздух с аэродрома в Равалпинди. Афганистан уже был дестабилизирован, критически дестабилизирован, но Великобритания вела себя в этом вопросе на удивление пассивно, лишь ограничиваясь удержанием пограничной зоны и точечными операциями в районе линии Дюранда, чтобы не допустить перекидывания пламени мятежа на свою территорию. Военные аналитики, удивлявшиеся такой британской пассивности – ведь в Афганистане не было проведено эвакуации, гарнизоны снабжались по воздуху, солдаты гибли в боях, во многих местах вырезали гражданских, – и предположить не могли, что ставки Британии в этой игре намного выше, что она не собирается гасить пожар. Наоборот, она собиралась раздуть пожар до небес, чтобы пламя его опалило весь мир, все человечество.

Правила были простыми. Если ты проигрываешь в шахматы, хватай доску и бей ею противника по голове.

Самолеты «Белфаст» направились в сторону Афганистана, и если спутниковая разведка и засекла их, то наблюдатели подумали, что они перебрасывают подкрепления или собираются сбрасывать провизию и боеприпасы окруженным. Над Афганистаном самолеты снизились и пошли дальше. На запад...

Они приземлятся под Тегераном, на заранее подготовленном и защищенном бойцами САС передовом аэродроме. На грунтовке, потому что этот самолет может садиться и так. Вместе с самолетами прибыло оборудование и специалисты по его применению. Люди из Честертон-Хауса, где располагался отдел министерства обороны, ведающий вопросами психологической войны.

С этого момента ситуация станет необратимой.

– Шайтан, да езжай же ты!

– Не могу, Сабет-шах, видите, машина!

Подполковник выругался последними словами. Поток машин на основных магистралях становился все гуще и гуще, в каких-то местах водители просто бросали свои автомобили, еще больше усугубляя ситуацию с движением. Проехать и впрямь было невозможно.

– Выходи!

– Что?

– Лезь назад, сын ишака!

Страшное лицо подполковника заставило солдата перебраться назад – эти автомобили транспортной группы армии имели гражданскую кабину, и в ней было спальное место для солдата.

Сам подполковник не водил грузовой автомобиль уже много лет, но почитал это делом несложным. Первая передача, руль вправо, так...

---

<sup>4</sup> Первоначально кайзеровская Германия и не думала отнимать у британцев Африку, равно как Россия вторгаться на Ближний Восток. Мировая (Вторая отечественная) война всем виделась как война в Европе. По сути, современную конфигурацию мира определили два человека. В России это был адмирал Александр Колчак, блестяще проводивший Босфорскую десантную операцию, разгромивший средиземноморскую группировку англичан в Проливах и выведший на оперативный простор армию генерала Корнилова, усиленную казаками и частями гвардейской кавалерии. В Германии это был Пауль фон Леттов-Форбек, который в Африке успешно воевал с многократно превосходящими по численности гарнизонами англичан, создавая мощнейшую армию из черных солдат и белых офицеров. Это, а также разгром средиземноморской группировки Британии и подвиги кайзера Вильгельма на десант в Африку.

Взревев мотором, непрерывно сигналив, грузовик начал сворачивать вправо, стараясь вырваться с шоссе. Легковушками было запружено все, но какое это имеет значение, когда...

Бах!

Выстрел ошеломил Нура, он сразу даже не понял, что происходит. И лишь отверстие в лобовом стекле подсказало ему, что дело дрянь.

Стреляют. Стреляют в армию, похоже, уже и тут знают, что произошло. Времени нет совсем. А ведь надо еще как-то загруженные боеприпасами автомобили доставить на площадь. Июльская революция повторяется...

Сзади заскулил от страха молодой солдат-водитель.

Не дожидаясь новых пуль, подполковник даванул на газ со всех сил, с жутким скрежежом смялась какая-то легковушка, потом еще одна. Он надеялся только на то, что остальные последуют за ним...

Люди разбегались с тротуара, уступая место завывающему клаксоном чудовищу, прущему прямо на них. Кто не успевал – попадал под колеса.

Арсенал располагался в одном из промышленных районов города. Русские не разрешали производить в Персии какое-либо оружие (весьма дальновидно, кстати, и не только с целью обеспечения рынка сбыта), но можно было его ремонтировать, в том числе капитально, и собирать его из деталей, сделанных в других странах. Арсеналом называли огромное, состоящее из нескольких корпусов предприятие, на котором собирали и ремонтировали всю номенклатуру легкого стрелкового оружия, и там же, в отдельных корпусах, располагались склады оружия и боеприпасов, которые в избытке закупал шахиншах. Он тоже был дальновидным человеком – и здесь, в арсенале, имелось единственное в стране сборочное производство стрелкового оружия<sup>5</sup>.

Арсенал охранялся отдельной ротой, был огражден высоким бетонным забором с колючей проволокой под током. Существовали только одни ворота, обеспечивающие въезд-выезд, и эти ворота находились под строгим контролем.

Существующими силами и средствами – несколько агентов САВАК с револьверами – взять такой объект было просто невозможно, да и плана штурма как такового не было. Ан-Нур решил, что просто вызовет старшего по званию к воротам и объяснит ситуацию. Военный должен понимать, что произойдет, если оружие попадет в руки мятежников. Толпу со своей ротой он точно не остановит...

Головная машина, за рулем которой был подполковник, остановилась около толстых, капитально сделанных ворот, офицер посигналил. Никто не откликнулся.

– Да что за...?

Подполковник просигналил еще раз, и в двери открылась калитка, в нее шагнул среднего роста человек в темно-бурой повседневной армейской форме, с автоматом в руках. Человек этот пошел к колонне, оставив калитку в воротах открытой.

– Здравия желаю... – лениво проронил солдат по-русски. Русский знали почти все, и удивительного в этом приветствии не было.

– Пригласите старшего по званию, поручик, – не тратя времени, приказал подполковник.

– Старшего по званию нет, господин подполковник...

– Тогда пригласите разводящего, старшего караула, должен же быть на объекте кто-то старший. Исполняйте!

В этот момент поехала в сторону створка ворот, расположенных слева от грузовика, здесь, на въезде, были два потока – на въезд и на выезд. Подполковник замолчал, замолчал и поручик. За отъезжающей в сторону створкой ворот оказался тяжело нагруженный АМО, большой

---

<sup>5</sup> На случай мятежа. Чтобы в случае мятежа такое важное производство не попало в руки мятежников.

гражданский грузовик. Натужно фыркая дизелем, он начал выползать с территории арсенала, следом полз еще один, и еще. Было заметно, что машины загружены под завязку, вес груза в кузовах продавливал подвеску почти до ограничителя.

– А это что...

– Это... Это приезжали, получали груз, господин подполковник.

Подполковник случайно заметил темное пятно на асфальте, почти под ногами сержанта. Странное пятно...

– Что за груз?

– Какой тут у нас груз, господин подполковник... Один и тот же.

– А кто разрешил? – Подполковнику Ан-Нуру это уже не нравилось.

– А они пароль знают, – с той же несерьезностью в голосе пояснил сержант.

– Пароль? Что еще за пароль?

– Аллах акбар!

Подполковник подозревал неладное и держал руку на рукоятке револьвера, готовясь пустить ее в ход, но капрал-сверхсрочник САС был еще проворнее. Автомат у него был заряжен, но он не стал его трогать, понимая, что развернуть оружие не успеет. Вместо этого он выдернул из кармана небольшой пистолет и выстрелил подполковнику в лицо, а потом бросился вперед, стреляя на ходу. Он ни в кого не рассчитывал попасть, ему просто нужно было выиграть несколько секунд, достаточных для того, чтобы из калитки выскочили еще трое. Четверка – обычный патруль САС.

На мгновение они замерли, прижавшись спинами к «морде» второго грузовика, – тех, кто был в его кабине, уже перебили, под ногами хрустело выбитое пулями лобовое стекло. Этой секунды им хватило, чтобы сконцентрироваться и согласовать внутренний отсчет времени, который должен быть единым у всей группы. Потом – они одновременно рванулись в разные стороны, парами. Пара по левую сторону колонны и пара – по правую.

Среди солдат и офицеров не нашлось ни одного, кто бы правильно среагировал в такой ситуации. Оружия было мало, но грузовая полноприводная машина – оружие сама по себе. Это кусок стали, весящий несколько тонн, если такая машина начнет двигаться, снося все на своем пути, – ни один человек, даже вооруженный автоматом, не рискнет встать на ее пути, опасаясь быть задавленным. Однако те, у кого было оружие, даже не пытались укрыться в машине, они выскакивали наружу и попадали под плотный огонь четырех вооруженных автоматами профессионалов. Некоторые солдаты, не имевшие оружия, просто бросались бежать. Британцы не стреляли им вдогонку, потому что хватало проблем и без этого.

На то, чтобы подавить сопротивление, у британцев ушло чуть больше минуты и семьдесят патронов. Ни один из них даже не был ранен.

Наконец, бойня прекратилась...

«Поручик», вышедший первым, огляделся по сторонам:

– Чисто, сэр!

Британцы из Пагоды знали русский и английский, но не знали фарси – вот почему первый, кто вышел к машинам, обратился к подполковнику по-русски.

– Загнать машины внутрь. Рикс, Корриган, убрать тела.

– Есть, сэр!

«Поручик» – его звали Алистер Бенсдейл – сунулся в калитку, дотянулся до пульта управления и нажал кнопку, чтобы открыть ворота. Когда ворота с мелодичным звонком пошли в сторону, он сунулся в головную машину, выбросил из нее тело подполковника и наткнулся взглядом на испуганные глаза скорчившегося сзади, за сиденьями, солдата.

– Аллах акбар... – трясущимися губами вымолвил солдат.

Сасовец понял, что у него нет оружия – иначе бы выстрелил, хотя бы от испуга.

– Выходи.

– Аллах акбар...

Британцу надоело это выслушивать, и он за шиворот вытащил солдата из машины:

– Сэр, у нас гости.

Командир патруля подошел к солдату, поправляя автомат.

– Кто ты? – спросил он по-русски.

– Аллах акбар! – в третий раз сказал солдат, от страха его заклинило, и он знал только это – пароль, чтобы не умереть.

– Понятно... – Британец скривился, одни проблемы с этими, тупые, будто ишаки. – Корриган! У нас пополнение! Проводи его... к этим, там, на погрузке, людей не хватает.

Что бы ни говорили про САС – определенные нормы поведения они соблюдали, и «гробовщиками», стреляющими направо и налево, не были. Как любые другие высокопрофессиональные солдаты, они делали только то, что было необходимо.

## 29 июля 2002 года, вечер Тегеран Площадь

Времени с момента покушения прошло достаточно, ситуация на площади все более накалялась...

Прежде всего – приехала полиция. Приехала тогда, когда еще можно было пробиться по тегеранским улицам. Несколько машин, с мигалками, во главе полицейского кортежа был сам суперинтендант – несмотря на русское влияние, в полиции должности назывались на британский манер. Толка от полицейских не было вообще никакого, единственное, что они сделали – это собрали и увезли трупы и тех немногих, кто остался в живых на второй трибуне (их расстреляют в госпитале днем позже). У полицейских имелось оружие, но нечего было и думать о том, чтобы забрать его у них. На время, пока полицейские работали на площади, они еще сдерживали совместными усилиями напирющую толпу. Потом полицейские уехали, бросив военных одних.

И сейчас полковник Реза Джавад, в глубине души еще лелеющий надежду, что ему удастся что-то сделать, став в конечном итоге правителем государства, светлейшим шахиншахом, уже жалел о том, что не отдал вовремя приказ выводить технику из города. Теперь военные, потеряв инициативу и темп, стали заложниками ситуации.

Кроме группы Ан-Нура, полковник отправил еще три группы, чтобы прояснить обстановку. Первую – к казармам Гвардии Бессмертных, вторую – в расположение танкового полка на окраине города, третью – к зданию аппарата Главного военного советника и к русскому посольству. Последнее было уже жестом отчаяния. Вначале Джавад хотел разговаривать с этими русскими с позиции сильного – как человек, держащий под контролем столицу. Сейчас он просто хотел договориться с ними на любых условиях. Только договориться, получить боеспособные части и сообщая навести порядок.

В городе все уже было известно, на площадь потянулись любопытные. Помимо двух каре из танков, полковник вынужден был выстроить внешний периметр обороны из всего, что есть, перекрыв все пути на площадь и поставив дежурных солдат из числа наиболее устойчивых, чтобы не позволяли толпе прорвать оцепление. У всех были блестящие церемониальные штыки, остро заточенные – отличное оружие, если нет огнестрельного. У напирющей со всех сторон толпы огнестрельного пока не было.

В том-то и дело, что пока.

Сейчас полковник сидел на подножке бортового армейского автомобиля, мрачно размышляя, что делать дальше. По идее – выстроиться в колонну, впереди поставить танки и пробиваться из города. Куда угодно, пусть без боеприпасов – танк сам по себе грозная сила. Врываться из города, дальше...

А что будет дальше – то и будет. Главное – не здесь.

Но умом он понимал, что момент уже упущен. Толпа окружила площадь и просто так их уже не выпустит. Да и... город большой, а нормальных карт ни у кого нет. Из него можно никогда не выбраться.

Откуда-то из Парка шахидов взлетела сигнальная ракета, красная. Покачиваясь на парашютике, она медленно опускалась, заливая все пространство площади, толпу, мрачные силуэты недвижно стоящих боевых машин зловещим красным отсветом. Что это было – сигнал или просто хулиганство, – он не знал.

– Вали! – крикнул он, не вставая.

– Да, господин полковник, – моментально появился ординарец.

– Узнай, нет ли связи с Нуром или другими группами.

– Слушаюсь, господин полковник!

Ординарец исчез.

Полковнику надоело сидеть, и он встал, поправил висящий на плече церемониальный автомат – вся его ценность заключалась в отполированном до блеска длинном штыке, медленно пошел к солдатам.

Солдат не кормили с утра, они выражали недовольство, и если бы не защитные ряды танков и техники да прибывающая толпа, скорее всего многих уже не досчитались бы. Костры жечь было не из чего, поэтому они просто сидели на асфальте, сложив оружие пирамидами, и мрачно переговаривались. При виде офицера разговоры стихали, но полковнику и так было ясно, о чем они толкуют. Офицеры показали свою слабость, не смогли до сих пор раздобыть боеприпас. Если боеприпасов не будет до утра, начнется открытый мятеж, может, даже раньше, а их выдадут толпе на растерзание. Всех.

– Господин полковник!

Полковник Джавад обернулся – его догонял один из офицеров, гвардеец:

– Здравия желаю!

– Говори... не до этого сейчас...

– У третьей роты... агитаторов каких-то выловили!

– Агитаторов?! – Полковник все еще не мог до конца просечь ситуацию. – О чем ты, какие агитаторы?!

– Не знаю. Из толпы...

– Как проникли они в каре?

– Не знаю, господин!

– А что ты знаешь, сын шакала?! – разозлился Джавад и уже хотел ударить младшего по званию, но вовремя остановился, решил, что сейчас только выяснения отношений с рукоприкладством между офицерами и не хватает для полного счастья.

– Где они?

– Следуйте за мной, господин полковник.

Офицер привел его к одной из штабных машин, полноприводной, с большим кузовом-кунгом, с антеннами на нем. Рядом с машиной темнели силуэты людей, тоже с оружием на плече – патроны бы к нему и...

Нет ничего бесполезнее, чем оружие без патронов.

– Дайте свет! Где они?!

Кто-то включил переноску, запитанную от аккумулятора ближайшей машины, полковник Джавад хотел привычно выругать его, потому что была в армии мода на полевых выходах запитывать от аккумуляторов боевой техники всяческие бытовые приборы: переносные холодильники, телевизоры, вентиляторы, а потом технику не завести. Но тоже сдержался – потому что было не до этого.

Агитаторов было трое – все молодые, в гражданском. Как попали они сюда – непонятно.

– Кто вы такие? Отвечайте! – приказал полковник.

– Мир вам именем Аллаха! – спокойно ответил один из них.

Полковник нахмурился. Такие уже пытались вести разлагающую работу в армии, их вешали на стволах танковых пушек.

– Отвечайте, если вам дорога жизнь!

– Аллах велик, полковник, и мы всего лишь исполняем волю его. Мы посланы сюда самим Махди, дабы дать вам возможность искупить свои грехи и встать в ряды тех, кто ведет священный джихад во имя Аллаха!

– Кто такой Махди? Ты видел Махди, несчастный?



– Махди я не видел, но видели мои амеры, те, кого Аллах милостиво одарил возможностью узреть его, последнего вышедшего из сокрытия имама. Махди сказал, что не пройдет и месяца, как тиран умрет, и умрет он столь страшной смертью, что нечего будет предать земле по обряду, а вместе с ним умрут и те, кто долгие годы терзал эту землю, и кровь их вызовет к жизни Великий Халифат, иншалла. Мы не считаем вас виновным, полковник, и мы даем вам шанс искупить ваши грехи, присоединившись к идущим по пути джихада.

– По пути джихада? Я армейский офицер, мне нет дела до вашего джихада! Ваша толпа – там, вы должны были проповедовать в ней!

– Все мы рабы Аллаха, кем бы мы ни были в этой жизни, и каждый из нас предстанет перед Судом и получит по деяниям его награду...

Полковник махнул рукой:

– Повесить! Всех троих!

И тут кто-то ударил его по голове прикладом, подкравшись сзади, а еще двое схватили его за руки... но сознание он не потерял и даже попытался отбиться... но предателей было слишком много, и сделать он ничего не мог. И тогда он обрушил на их головы целый вал непонятных им слов, таких, какими осыпали его русские инструкторы в учебном лагере, когда он еще не был полковником, а был всего лишь молодым поручиком... это помогало ему выносить голод, ужасные нагрузки, ночные марш-броски... а вот сейчас эти слова, заковыристые и выразительные... ничем не помогли.

Было уже поздно.

## 30 июля 2002 года Багдад Антитеррористический комитет

*Пала правда святых отцов,  
Все стройней ряды мертвецов...*

*Иван Ярош*

Еще со времен Междуречья, со времен основания города, великая река Тигр разделяет город Багдад на две части, в документах они иногда так и зовутся: Багдад-восток и Багдад-запад. Багдад-восток – здесь располагались складские, производственные здания, электростанция, казармы, мехпарки сил безопасности и частных охранных компаний. Это повелось еще с давних времен, с сороковых, со времен, которые многие теперь называли «Диким Востоком», когда трагически погибший генерал-губернатор Терентьев, дабы по всему Багдаду не ходили увешанные оружием люди, приказал все воинские подразделения и частные силы безопасности, за исключением полицейских и жандармов, увести на западный берег. Восточный с тех пор развивался как жилой сектор, с районами вилл, домов, с высотными зданиями нефтяных, газовых, химических, машиностроительных компаний. Исключение составлял полуостров – место, где река Тигр делает двойной, резкий поворот, там находился богатый и сильно охраняемый деловой район. Но сейчас ситуация на Востоке уже не та, как в двадцатые, и даже не та, как в пятидесятые, и особо серьезных мер по охране никто не предпринимал.

Алексей Павлович Белов, атаман казачьих войск, проживал в самом Багдаде, в довольно неприглядном районе Аль-Хадра. Надо сказать, что никто не запрещал строить жилье на западном берегу Тигра, его и строили, но стоило оно дешевле, чем на восточном. Кому было наплевать, где жить, наплевать на окружение или просто хотелось сэкономить, тот покупал жилье на западном берегу. Атаман Белов, сын и внук казаков, в третьем поколении живущий на Востоке, обычно пребывал или в войсках, или в каком-нибудь походе, а потому дом ему был не особо нужен. Тем не менее он купил себе небольшой одноэтажный особняк в районе Аль-Хадра, все преимущество которого заключалось в том, что отсюда можно просто и быстро добраться до казарм казачьей стражи.

О том, что произошло в Тегеране, было уже известно, в городе пока сохранялось спокойствие, но опытные люди понимали, что это затишье перед бурей. На восточных территориях, а особенно здесь, в этих районах, прилегающих к Персии, проживало много шиитов, и вообще невозможно понять, что у них на уме. Шииты – прирожденные лжецы и саботажники, они привыкли жить в конфронтации со всем миром, и одному Аллаху известно, что они вытворят, если в Тегеране начнется вооруженный мятеж.

А потому Белов, живший в Багдаде один (семья жила ближе к России, в Мосуле), первым делом покормил свою собаку, туркменского алабая, которого выпустил гулять по двору одного, потом извлек из большого сейфа все оружие, что у него было, и принялся его чистить, полагая, что вскоре может начаться такое, и времени на это совершенно не останется. Арсенал он дома хранил небольшой, но тщательно и с любовью подобранный. Штурмкарабин Драгунова со складным прикладом, штурмовое ружье «Сайгак» с барабанными магазинами на двадцать патронов двенадцатого калибра, ручной пулемет Калашникова с лентовым питанием и короткоствольный автомат Калашникова. Про несколько пистолетов и говорить не стоило – на Востоке они были привычны, как ложка для обеда. Ручной пулемет хранился в заводской

смазке, и сейчас казачий атаман решил, что расконсервировать его самое время. Этим он и занимался под пристальным взглядом сидящего рядом алабая по кличке Верный. Разобрав пулемет, он доставал солидол из ствольной коробки, детали промывал в тазике с бензином, слитым с машины, а потом либо вытирал насухо ветошью и откладывал на клеенку сушиться, либо наносил тонкий слой оружейной смазки из пульверизатора. Верный сдуру сунулся носом к деталям и недовольно чихнул, шибаящий в нос запах бензина ему не понравился.

– Дрянные времена наступают... – меланхолично прокомментировал атаман свою работу псу, и умное животное, весящее столько же, сколько человек, наклонило голову, прислушиваясь к хозяину и пытаясь опознать в его словах какую-то команду. Алабай очень умные, и сейчас пес видел, что хозяин чем-то встревожен. Потом на улице зашумело, и пес, повернувшись в сторону шума, напрягнулся и негромко зарычал.

– К нам? Да, Верный?

Пес продолжал рычать.

Машины остановились у дома атамана, он сам теперь это слышал. Потом кто-то прошел к калитке в высоком заборе.

– Алексей Павлович! – крикнули с улицы. – Это Стаднюк! Собаку уберите!

Про собаку в доме атамана все казаки хорошо знали – одного урока оказалось достаточно.

– Сейчас уберу! Пошли, Верный...

Отведя пса в конуру и застегнув на нем кожаный ошейник, атаман выпрямился, крикнул:

– Можно!

Через калитку действительно зашел Стаднюк, дежурный офицер из охраны генерал-губернатора, обвел взглядом двор, заметил разложенное для чистки оружие, привязанную собаку, руки казачьего атамана в солидоле и масле.

– Что произошло?

– Беспорядки, господин атаман. Пока подавили. Господин генерал-губернатор изволили видеть вас. Здесь все нормально?

– Как видишь, никаких беспорядков, за исключением того, что творится на столе, у меня здесь нет.

– Хорошо.

Стаднюк закрыл калитку, а через несколько минут ее открыл уже генерал-губернатор Междуречья князь Абашидзе. Здесь он ни разу не бывал.

– Что так живешь? – спросил он Белова первым делом. – Газон не поливаешь...

Газон и в самом деле совсем не походил на британский – весь высох.

– Времени нет. Извольте сюда...

Абашидзе сел на предложенный стул, с интересом огляделся.

– Неприятностей ждешь? – кивнул он на разложенное на столе оружие.

– А что их ждать-то. Они уже тут.

– Это верно... – кивнул генерал-губернатор. – Когда ты последний раз видел Бойко?

– Ефима Павловича? – удивился Белов. – Позавчера, а что?

– А что... А то, друг мой дорогой, что сегодня утром его выловили из Тигра!

Атаман удивленно посмотрел на Абашидзе:

– То есть?

– То и есть! Выловили из Тигра, в районе Аль-Саидии его прибило к берегу! С двумя пулями в груди!

Атаман перекрестился:

– Царствие небесное...

– Поминать потом будем. Что думаешь насчет этого? Вахрамеева, кстати, тоже нигде нет вот уже второй день – ни дома, ни на работе, нигде. Я не удивлюсь, если его просто унесло дальше течением.

– А что думать. Пусть полиция думает, мое дело – за порядком следить. Мы же в городе не работаем, в городе за всем полиция смотрит.

– Я не о том. Кто убил Бойко?

Белов пожал плечами:

– Да мне-то откуда знать, Теймураз Акакиевич?

– Не знаешь, так подумай! Ты что думаешь, его просто так? Он пистолет при себе постоянно держал, с охраной ходил.

– А как получилось, что охрана – ни сном ни духом...

– Как получилось... Под вечер вышел из машины в районе моста Джумрия, сказал, что его не будет час. Потом подняли тревогу, а нашли только под утро.

– По бабам, что ли, пошел? – недоуменно произнес Белов.

– По бабам? Ты что, совсем – того?!

– Так в том районе только и бабы по ночам на набережной. Все это знают.

– Какие бабы... Какие, к дьяволу, бабы?! Кто-то выманил его туда и убил! Вот я и хотел бы знать, кто? Ради кого он пошел бы без охраны на набережную?

Атаман изменился в лице:

– Так вы... Теймураз Акакиевич... на меня, что ли, думаете?

Абашидзе покачал головой:

– Ты-то с чего? Ты же русский. Вчера начался вооруженный мятеж в Тегеране, каждая сводка приходит – хуже предыдущей. Наместник в Константинополе собирает срочное совещание, все генерал-губернаторы обязаны присутствовать. Кого-то надо оставлять на хозяйстве. Как ты думаешь, кого оставить вместо себя?

– Так... Ефим Павлович и был за вас всегда.

– Верно. А если Ефим Павлович в морге лежит?

Атаман нахмурился:

– Тогда... третьим по старшинству получается полицеймейстер.

– Вот именно. Господин аль-Бакр. А ты знаешь, что он на четверть шиит?

– Откуда...

– Во-во. Он наполовину араб-суннит, на четверть – русский и на четверть – шиит. И мне совсем не улыбается оставлять его на хозяйстве в такое время.

– Так... Господин генерал-губернатор, я не достоин...

Абашидзе вздохнул. Вот потому Белов и не был до сих пор принят в организацию – туп как пробка. Решил, что он приехал назначения раздавать.

– Ты хочешь, чтобы Бакр работал у нас за спиной? Ты хочешь оказаться там же, где оказался Бойко – в Тигре? Нет? Значит, надо действовать.

– Мы должны его...

– Арестовать, – перебил генерал-губернатор, – только арестовать и препроводить в камеру до выяснения. А там все и выяснить. В частности, на чьей стороне полиция. Вообще, это была глупость, что мы его допустили в организацию, какой он, к чертям, патриот – арабская кровь на три четверти. Идем?

– Оружие брать?

– Возьми пистолет. Он может оказать сопротивление. Я его отвлеку. Он засел в здании полицейского управления, могут возникнуть проблемы. Там найдутся верные ему люди, поэтому потребуются и мои конвойцы, и твои казаки. Надо будет заехать в штаб казачьей бригады, взять оттуда сотню. На всякий случай.

– Я пойду переоденусь. – Белов скрылся в доме, понес туда все оружие, которое он просто сгреб на клеенку.

Появился он через несколько минут, обмундированный по форме, с большой белой кобурой на пояском ремне, с погонами и даже с полагающимся атаману перначом, хотя пернач сейчас исполнял не более чем декоративную роль.

Вместе они вышли к машинам, их было четверо, и вдруг увидели, как два бронетранспортера, поднимая дорожную пыль, идут на большой скорости со стороны Аль-Адля.

– Это что еще?.. – недоумевающе произнес генерал-губернатор и упал, сраженный двумя пулями.

В спину.

В следующее мгновение упали несколько сбитых на землю пулями конвойцев, их внимание было привлечено бронетранспортерами, и они так и не поняли, откуда им грозит реальная опасность.

Бронетранспортеры замедляли ход, из них на ходу прыгали вооруженные до зубов бойцы антитеррористической группы жандармерии.

Хлопнула, закрываясь, калитка.

– Атаман Белов, вы окружены, сдавайтесь! – громыхнул на всю улицу мегафон.

Атаман проскочил в дом, по пути отвязав собаку, схватил оружие, что попало под руку – штурмовое ружье. С двадцатью патронами, снаряженными картечью, на близкой дистанции оно было эффективнее автомата. Перезарядил пистолет, обойма в котором была израсходована полностью, рассовал за пояс еще три...

*Надо бежать...*

– Атаман Белов, сдавайтесь! Шансов нет!

*Откуда узнали?..*

Выбежав через темный ход, он перемахнул через низенький заборчик, здесь дома строились целыми шеренгами, и забор, отделявший улицу, был выше человеческого роста, а внутри, между соседними участками – примерно по пояс. Экономии...

Как затравленный волк, с оружием наперевес, он пробежал через весь участок, маханул на соседний, потом перебрался на следующий. Там играли дети, они бросили игры и смотрели на него удивленными глазами.

Брать заложников он не решился, заложники лишат его мобильности.

Маханул на соседний участок, едва не упал, побежал к дому...

– Стой! – раздался знакомый голос.

Двое полицейских целились в него из автоматов, у них были бронежилеты и каски, держащие удар пистолетной пули. Лица были закрыты заборами из пулестойкого стекла.

За ними стоял аль-Бакр.

– Зачем ты их убил, Алексей?! – крикнул он. – Опомнись!

– Ненавижу! – крикнул в ответ казачий атаман, вскидывая штурмовое ружье.

Заработали автоматы.

Генерал-губернатор Междуречья Теймураз Акакиевич Абашидзе был еще жив, когда к нему подошел полицеймейстер аль-Бакр. Жандармы из антитеррористической роты положили его на носилки, один из них суетился, прилаживая капельницу. Аль-Бакр взглянул на него, тот еле заметно покачал головой.

Ибрагим аль-Бакр присел на корточки рядом с носилками:

– Теймураз?

Губернатор смотрел на него так, как будто впервые видел:

– Ты здесь?

– Да... Я здесь.

– Но это неправильно... Неправильно...

Генерал-губернатор Абашидзе умер.

Полицеймейстер Багдада тяжело поднялся на ноги.

– Здесь есть рация?

Ему протянули рацию, он настроился на волну, на которой работали полицейские и армейские части.

– Тишина всем, чрезвычайное сообщение. Сегодня, тридцатого июля второго года, я, Ибрагим Хасан аль-Бакр, полицеймейстер Багдада, дабы обеспечить спокойствие и безопасность города и всего Междуречья, своей властью ввожу на всей территории Багдада и Междуречья чрезвычайное положение. Режим чрезвычайного положения будет действовать бессрочно, до особого распоряжения. Приказываю всему личному составу воинских, жандармских, полицейских и казачьих соединений начиная с этой минуты действовать по плану чрезвычайного положения. Дополнительные указания будут переданы установленным порядком. Генерал войск полиции и жандармерии Ибрагим Хасан аль-Бакр из Багдада, конец связи.

...Когда-то давно в банстве Хорватском зародился нацизм. Эта отравленная идеология провозглашала деление людей по крови, по национальности. В сущности, разновидностью фашизма является агрессивный ислам, предлагающий делить людей на своих и чужих по признаку вероисповедания. Проклятый всеми цивилизованными странами нацизм во все времена старался рядиться в маски патриотизма, но разница между патриотизмом и нацизмом все же есть. Патриотизм предполагает любовь не к нации, а к Родине, к той стране, в которой ты родился и вырос и которая дала тебе все, что смогла. Генерал-губернатор Теймураз Абашидзе, несмотря на свое грузинское происхождение, стал нацистом – и ненависть ослепила его, причем настолько, что в ненависти своей он не смог рассуждать здраво и привычно назначил врага, хотя врага надо было искать, искать вдумчиво и кропотливо. Генерал Ибрагим Хасан аль-Бакр, родившийся в арабском квартале, бывший всегда изгоем, из-за того, что в нем была русская кровь, хоть и встал на тот же гибельный путь, но полицейское чутье пересилило в нем ненависть, и он все же смог хладнокровно и трезво оценить ситуацию. И найти истинного врага.

А вот атаман казачьих войск Алексей Белов, рядясь в одежды патриота и националиста, стал предателем. Это было совершенно невероятно для казака – и все же он им стал, и одному Аллаху ведомо, что бы он успел еще сотворить, если бы не был разоблачен. Увы, и в том, что ему удалось втереться в доверие к генерал-губернатору и творить то, что он творил, ему тоже помогла ненависть. И ее обратная сторона – любовь.

Атаман Белов долгое время имел дело со смертью. Он смотрел в пропасть и не понял, не уловил тот момент, когда пропасть стала смотреть на него. Тогда он умер.

А потом возродился...

## 31 июля 2002 года Тегеран Посольство Российской империи

Острая, режущая вспышка боли привела меня в чувство. Обычно между явью и навью есть какой-то промежуток, возвращение в мир людей происходит не сразу. Ты как будто качаешься на волнах, то погружаясь в черную бездну безмолвного спокойствия, то снова выныривая в мир людей. Здесь – все произошло мгновенно. Вот только что меня не было здесь, и вот – я есть.

Чье-то лицо – знакомое, но я не мог вспомнить чье – появилось в моем поле зрения. Человек посмотрел мне прямо в глаза, а потом закричал изо всей силы: «Доктор, доктор!» Я хотел ему сказать, что не надо так орать, потому что у меня голова представляет собой мешок с осколками стекла, и это чертовски больно. Я открыл рот, чтобы сказать это, но, к моему удивлению, не смог вымолвить ни слова. Потом опять – саваном навалилась тьма...

Второй раз я пришел в себя от грохота. Громыхало глухо и грозно, так что подрагивал сам воздух. В этот раз я почти сразу понял, что это.

Вспомнил я и того, кто сидел рядом со мной. Он и сейчас находился здесь.

– Варфоломей... Петрович... вы...

– Я, ваше высокопревосходительство, я... – Мой верный помощник был каким-то растрепанным, кое-как одетым и усталым. – Вот, отстранили меня, работы мне нет... решил с вами посидеть...

– Кто... отстранил...

– Военные. Взрывы слышали? Все деревья... Господи... делают вертолетную площадку. Говорят, что через час нас вывезут отсюда.

– Пить...

Вода была теплой, много дней простоявшей на солнце в графине. Но вкуснее ее сейчас ничего не было.

– Все... Хватит... Павел Васильевич сказал, нельзя много.

Так звали посольского доктора.

– Принц... Что с ним? – Говорить стало легче, вода смочила пересохшее горло.

– Похоронили... вчера еще похоронили, прямо тут, во дворе посольства. Их же надо до заката хоронить, у них такой обычай. А больше негде было, началось уже. Я фатиху прочитал, все как полагается.

*Господи...*

– Вали? – вспомнил я.

– Он, мерзавец. Добрался бы – своими руками растерзал бы. Мразь поганая, мы ведь ему столько платили, что он всю семью содержал, девять человек. И вот за такое... отплатил-то как, погань... Его за ворота выбросили, не стал я его хоронить, Александр Владимирович, Господь меня простит за это. Нет в земле места такой собаке.

– Найди...

– Так его уж...

– Найди гвардейцев. Кто стрелял. У ворот. Они здесь?

– Так здесь, в посольстве. На внешнем периметре флот, наши только внутреннее кольцо держат...

– Найди.

– Сию секунду, ваше высокопревосходительство. Лежите, не вставайте, вам нельзя.



*Интересно – сильно или нет? Похоже, что сильно, хоть на мне и заживает, как на собаке, а пару недель поваляюсь. Или больше. Черт, как не вовремя!*

За стеклами опять грохнуло – зарядом взрывчатки свалили очередное дерево. Это-то зачем, господи, есть же площадка! Потом эти деревья десятилетиями растить, зачем так валить-то...

Кто-то вошел в кабинет, я повернул голову – хоть это я мог сделать, ожидая увидеть Варфоломея Петровича. Но вместо него в кабинет вошел смутно знакомый офицер в черной морской форме, с оружием и бронежилетом. На груди – Георгий третьей степени, памятная медаль «За Бейрут». Знаки различия – майор от адмиралтейства, морская пехота. Понятно – эвакуационная группа, с авианосца.

– Господин контр-адмирал! – Понятно, для морпехов я именно контр-адмирал флота, то есть изначально свой, а не гражданский.

– Вольно...

– Майор от адмиралтейства Пескарев, одиннадцатая экспедиционная группа. Мы должны эвакуировать вас, поступил приказ.

– Отставить... пока. Гражданских эвакуируете, потом и я... с вами.

– Господин контр-адмирал, это приказ командующего флотом. Тем более – вы ранены.

– Отставить. Несколько часов еще поживу. Подойдите ближе...

Майор подошел.

– Помогите... Немного... вот так.

Я показал, что хочу не лежать как бревно, а сидеть.

– Вам док разрешил, господин контр-адмирал?

– Если лежать не помер, то и сидя выживу. Исполняйте.

Вместе нам удалось придать мне более приемлемое положение – теперь я не лежал, а почти сидел, опираясь на подложенные под спину подушки. Больно не было – видимо, обдолбали болеутоляющим, больно будет потом. Потому и голова как чумная...

– Докладывайте. Что происходит?

– Господин контр-адмирал, приказано эвакуировать весь гражданский персонал, всех русских. Десантники заняли аэропорт Мехрабад, основная зона эвакуации сейчас там, там приказано держаться. А мы отсюда вывозим тех, кто блокирован в зоне дипломатического квартала. Из города уже не прорваться.

– Что в городе? Вы держите периметр?

– Держим... пока. Армия – кто разбежался, большая часть на стороне этих... психов. Все как чумные. Только что докладывали – один обвязался взрывчаткой и на пост бросился... трое нижних чинов... безумие какое-то, господин контр-адмирал...

– Армия взбунтовалась?

– В основном разбежалась... потом уже эти разбежавшиеся в банды влились. У меня мало информации, господин контр-адмирал, мы не проводим разведку, у нас задача – вывезти всех отсюда, к чертовой матери... потом разбираться будем.

– Что значит – нет разведки? Вы опрашиваете беженцев?

– Так точно, господин контр-адмирал, опрашиваем.

– И что?

Разговор наш прервался, в кабинет сунулся Варфоломей Петрович, с гвардейцем, я заметил, как майор инстинктивно положил руку на рукоять пистолета. Нервы у всех на взводе.

– Заходите! За столом пока подождите...

*Что-то неладное делается. Сам не могу понять что, но что-то очень неладное. Конечно, сама по себе экстренная эвакуация посольства силами морской пехоты – неладное дело, но все равно есть что-то еще.*

*Мысли путаются... Из-за ранения, что ли?*

– Что говорят беженцы?

– Что все взбесились... вроде как. Жандармы друг в друга стреляли. Говорят, что тюрьму... не знаю, как называется... строгого режима на окраине города то ли штурмом взяли, то ли заключенные взбунтовались... в общем выпустили всех, там несколько тысяч человек сидело, в основном политические, из заговорщиков. Арсенал разграбили, на руках оружия полно. Стреляют постоянно.

– Что с армией? Где советники, что с аппаратом военного советника?

– Не могу знать, господин контр-адмирал.

Об этом узнали потом. Главный военный советник погиб, исполняющий обязанности дежурный офицер не нашел ничего более умного как вызвать в Тегеран весь советнический аппарат для получения указаний, как действовать в новой обстановке! То есть он своим волевым решением оголил воинские части, оставил их без советнического пригляда и помощи! Это в ситуации, когда местный комсостав, кто тайно власть ненавидит, кто доносы друг на друга строчит! Удивительное по глупости решение! Потом, когда все собрались в Тегеране, стало понятно, что ситуация уже идет вразнос. Несколько советников попытались выехать в расположенные у Тегерана части, прежде всего гвардейские части, – и пропали с концами. Потом выяснилось, что их растерзала разъяренная солдатня – агитаторы Махди уже там побывали. Дежурный в критической ситуации полностью потерял контроль над обстановкой, не смог поставить боевые задачи подчиненным ему частям, а у него были под рукой три усиленные дивизии! Эти дивизии так и не смогли выдвинуться к Тегерану для наведения порядка – хорошо, что хоть сумели занять оборону, а один из командиров дивизий по собственной инициативе выдвинул усиленную полковую группу и без потерь занял базу «Тегеран-Мехрабад», тем самым обеспечив нам плацдарм чрезвычайной важности и прекрасную эвакуационную площадку. Когда же из Санкт-Петербурга в ответ на панический запрос пришел приказ вскрыть конверт №... (он лежал в сейфе, и никто не запрещал вскрыть его и без запроса в Санкт-Петербург) и действовать в соответствии с планом развертывания при чрезвычайной ситуации, время было уже потеряно. Это тоже особенность Востока – здесь всегда присоединяются к сильному, кем бы он ни был. Если бы дежурный немедленно вскрыл пакет, приказал бы одной из дивизий сделать то, что она сделала – обеспечивая безопасность расположения, выдвинуться и захватить базу «Тегеран-Мехрабад» для обеспечения переброски в страну дополнительных сил, остальным двум – оставив в распоряжении по полку, оставшимися силами на бронетехнике броском выдвинуться к Тегерану, занять и обезопасить ключевые точки города... все могло бы сложиться по-другому. Увидев силу и решительность русских, многие офицеры присоединились бы к ним, присоединились бы части, прибывшие в город на парад. Но дежурный не нашел ничего лучше как отдать инициативу противнику, запросить Санкт-Петербург и потерять на это время, а потом вместе со своим аппаратом уносить ноги в Мехрабад, поближе к площадке для эвакуации. Воистину, ни один предатель не сотворит такое, что может сотворить трус и дурак.

Тем временем взбунтовались собранные для парада части, а это была немалая сила. После убийства шахиншаха на глазах у всех, после гибели командного состава армии и жандармерии не нашлось никого толкового, кто бы смог принять командование и при этом был бы авторитетом для нижних чинов. Их никто никуда не отвел – они так и сгрудились на площади, где должен был проходить парад. Потом появились агитаторы Махди, пошли слухи, что русские убили шахиншаха Мохаммеда, потом похитили принца Хусейна и тоже его убили, расстреляли в посольстве (о гибели Хусейна уже знали!!!). Взволновались нижние чины, тут же пошли разговоры про Коран, про грехи, про второе пришествие Махди, про его карающий меч. Потом очень своевременно появилась *пленка*, записанная очень *хитро*. Махдистов становилось все больше и больше, люди концентрировались у площади, кое-кто призывал перебить всех солдат, потому что народ немало натерпелся от армии, но махдисты громогласно выступили на

защиту солдат, сказав, что они не виноваты в преступлениях режима и убийство солдат будет противно Аллаху. К утру на площади все нижние чины перешли на сторону мятежа, часть офицеров была перебита ночью, оставшиеся также перешли на сторону мятежа. Ни в одной боевой машине не было боеприпасов, но тут кто-то очень умный и прозорливый организовал их подвоз из разграбленного ночью городского арсенала. В итоге – к двенадцати часам дня в городе у махдистов была отлично вооруженная, усиленная артиллерией и танками дивизия.

– Хорошо, господин майор. Обеспечивайте эвакуацию.

– Есть! Разрешите идти?!

– Идите...

Варфоломей Петрович неодобрительно посмотрел морпеху вслед, но так ничего и не сказал.

– Павел Васильевич скоро придет, вам надо лежать. Не стоит принимать посетителей.

– Отлежимся... – попытался пошутить я, – на том свете. Иди сюда, добрый молодец.

Докладывай.

– Фельдфебель Горбец, ваше высокопревосходительство.

– Какой полк?

– Павловский, ваше высокопревосходительство.

– Из гренадеров, значит.

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

– Без «превосходительств». Ты стрелял по шоферу?

Добрый молодец опустил глаза в пол:

– Так точно, ваше...

– Не бойся. Ты правильно поступил, он расстрелял бы нас всех, и тебя в том числе.

– Так точно...

– Рассказывай, как было.

– Ну... так, вы подъехали на машине, капитан приказал мне и фельдфебелю Иващенко вас встретить, проводить до здания. Вы вышли, сказали, что помочь надо. Иващенко побежал дверь открывать, она тяжелая, зараза. Вы из машины этого... раненого вытащили, которого похоронили потом. Я за машиной не следил, там же только шофер был, ваш шофер, я точно видел.

– Это он и был. Дальше.

– Потом... стрельба, вы упали, я развернулся и по машине... очередью. Потом Иващенко к вам подбежал, вы на ступенях лежали рядом с этим... Потом носилки... в посольство вас потащили. Мы думали...

– Шофер мой... Ты его насмерть?

– Так точно.

– Сразу насмерть? Говори честно.

– Ну... не сразу. Почти сразу умер, ваше высокопревосходительство.

– Ты что-то слышал? Ты был рядом, когда он умер?

– Так точно. Я в машину сунулся, чтобы пистолет у него забрать... змея, еще бы раз выстрелить мог. Или гранату взорвать.

– Он что-то говорил?

– ...Так точно... одно и то же повторял.

– Что? Вспоминай.

– Он одно и то же твердил. Аллах акбар, Махди рахбар. А потом умер. Сразу...

За мной пришли через два часа, все эти два часа были наполнены опасным качанием люстры на потолке служебного кабинета да грохотом турбин вертолетов. Судя по всему, нам как суверену этой страны пришлось взять на себя эвакуацию не только собственных граждан, но и граждан третьих стран, пожелавших эвакуироваться. Как я потом узнал, эвакуацию на

этом этапе обеспечивали двенадцать вертолетов Сикорского, все тяжелые, палубной авиации. Из них восемь работали «на коротком плече», вывозя людей из Тегерана в аэропорт Мехрабад, чтобы там пересадить их на самолеты военно-транспортной авиации, еще два – курсировали между Тегераном и авианосной группировкой, состоящей из атомного авианосца «Николай Первый», большого десантного корабля «Сибирь»<sup>6</sup>, среднего десантного корабля «Капитан Николай Щербаков», ракетного крейсера «Лютый» и четырех эсминцев. Последний рейс все вертолеты должны были сделать длинным, все десять, на десантное соединение, вывозя нас и морских пехотинцев, обеспечивающих эвакуацию.

Мне вдруг пришло в голову, что с нашей эвакуацией русских в обезумевшем городе не останется.

Пришла целая делегация – Павел Васильевич, посольский доктор, абсолютно чеховский персонаж, напяливший зачем-то камуфляж, но оставшийся при своем большом кожаном саквояже, майор Пескарев и еще двое морских пехотинцев с алюминиевыми раскладными носилками. У всех, даже у доктора, было оружие.

– Это кто вас так... – Доктор безошибочно повернулся к Пескареву.

– Павел Васильевич... я приказал.

– Приказывать будете, как выздоровеете. Пока что я приказываю. – Доктор привычно приложил руку ко лбу, потом начал считать пульс.

– Долго мне так лежать?

– Если глупить не будете, через пару недель встанете. Пока с палочкой походите, через месяц и ее бросите. Чудак-человек, – доктор обращался со всеми без малейшего чинопочитания, – вы ведь в рубашке родились. Еще чуть правее – и до конца жизни в инвалидной коляске катались бы. А выше – остались бы без легкого. Нормально, перекладывайте! Осторожнее. И никаких!

О чем говорил доктор, я понял. Многие офицеры, даже раненые, считали ниже своего достоинства покидать поле боя, лежа на носилках, пытались выходить сами, опираясь на своих солдат, иногда это плохо кончалось, но вот такими были русские офицеры...

В коридоре посольства пыльно, дымно, шумно, свет не горел. Стекла выбиты, у цоколя второго этажа – наспех сооруженная баррикада и у нее пулеметный расчет, видимо, до подхода морской пехоты готовились к штурму здания. Дым – оттого что жгут документы, шифровальную аппаратуру, должно быть, уже уничтожили. Что будет с посольством, когда мы покинем его, – не знаю...

Лестница. Снова выбитые стекла, люди с оружием, кто-то тащит в охапку документы – сжигать. Света снова нет, только везде разбросанные ХИСы<sup>7</sup>. Жутковатые отблески в оконных проемах – уже ночь, но в городе идет бой, что-то горит. Все напоминает картину экстренной эвакуации при проигранной войне, и только Господь знает, вернемся ли мы вновь на эту землю.

– Осторожнее. Сюда!

Вот почему сваливали деревья – из них сделали баррикаду, их стволы внутри разрушенного, исковерканного сада – это последний рубеж обороны, на случай, если противник прорвется в периметр посольства. Лежа видно плохо, но понятно, что в городе что-то горит, трассы автоматных и пулеметных очередей огненным пунктиром рассекают небо, над городом на низкой высоте с воем проносятся истребители-бомбардировщики палубной авиации. То ли разведка, то ли запугивают, то ли что-то бомбят. То ли уже началась большая война. Прямо по ходу, освещаемый пламенем костров, стоит огромный «Сикорский» с закрытой аппарелью, около него – часовые в карауле, оружие наготове. Чуть в стороне несколько человек, военных

---

<sup>6</sup> То, что у нас называется большим десантным кораблем, в этом мире – средний, а большой в этом мире – размером с танкер.

<sup>7</sup> Химический источник света.

и чинов из посольства, разбирают папки, которые подносят им в охапку и бросают прямо на землю, разносят их по саду, бросают в костры. Гражданские есть, но их не так много, видимо, большую часть уже вывезли.

– В основном вывозили с другой площадки, господин контр-адмирал, – словно угадывая мои мысли, сказал майор по адмиралтейству. – С Зеленой зоны. Здесь – только посольские и еще наша группа.

– Почему вертолеты стоят без дела?

– Сейчас подойдет звено штурмовых вертолетов, оно обеспечит периметр при отходе. Потом подойдут еще две машины, на этих мы вывезем гражданских, на последних – уйдем сами, под прикрытием. В пустыне организовали пункт дозаправки – штурмовики сюда без дозаправки не дотягивают, да и лишний пункт дозаправки – в любом случае неплохо.

*Спланировано грамотно. Штурмовики действительно нужны, когда группы, которые держат периметр, начнут отходить с занимаемых позиций, их могут просто перебить до последнего человека, потому что основные потери бывают как раз при наступлении и отступлении, когда ты снимаешься с укрепленных позиций и вынужден передвигаться по местности, не имея защиты. А так – вертолеты нанесут удар и дадут возможность морским пехотинцам оторваться от преследования в тихих улочках посольского квартала. Нужно всего несколько минут, а потом вертолет унесет их.*

– Долго еще?

Майор взглянул на часы:

– Скоро. Полчаса максимум – и мы уберемся отсюда.

*В отличие от майора, который искренне радовался возможности побыстрее убраться из взбесившейся страны, я этому вовсе не был рад. Очень легко отступить – оттуда отступил, отсюда отступил, глядишь – и просрал, простите, все, что предки столетиями собирали. Труднее оставить завоеванное предками за собой, чего бы это ни стоило.*

*Но сначала надо выздороветь. Как можно быстрее.*

Вертолеты появились над нами, как майор и обещал, через полчаса – несколько уродливых, похожих то ли на акулу, то ли на летучую мышь «В-80»<sup>8</sup>, состоящих на вооружении морской пехоты и морской авиации: у них нет винта на хвостовой балке, и поэтому их проще держать в тесных ангарах судов. Один из вертолетов включил прожектор, ослепив нас, потом они ушли дальше, туда, где вскоре загремели взрывы...

– Нет! – твердо сказал я, когда меня подняли и понесли к раскручивающему лопасти «Сикорскому». – Не сейчас. Эвакуируюсь с последними машинами.

Майор посмотрел на доктора, растерянно посмотрел. Не исполнить приказ контр-адмирала флота он не мог. Тем более что он понимал – командир и в самом деле уходит с мостика последним, это дело его чести. И то, что я был беспомощен, привязанный к носилкам, ничего не меняло.

– Тогда я тоже остаюсь... – сказал доктор.

Майор, ни слова не говоря, перехватил автомат.

Вот в эти-то самые мгновения, когда в неверном свете догорающих костров в первые два вертолета грузились эвакуируемые, я увидел посла Пикеринга. Рядом с ним был кто-то, небольшая группа людей, видимо, из американского посольства, в том числе морские пехотинцы САСШ с оружием. Они вели его к вертолету, но посол тоже увидел меня, что-то крикнул и замахал руками – узнал. Но ничего больше сделать ему не дали – его же собственные

---

<sup>8</sup> Он же «Ка-50» в нашем мире. Камов творил и в этом мире, он работал на казенном заводе, и его продукция конкурировала с частными фирмами Сикорского и Гаккеля. У Гаккеля генеральным конструктором долгое время был Миль, именно он развил вертолестроительное направление на этой фирме.

телохранители из морской пехоты буквально на руках внесли посла в десантный отсек. Через пару минут, раскрутив огромные лопасти и погасив ими все костры, вертолет взлетел...

«Наши» вертолеты приземлились, когда стреляли уже за оградой. Сначала появились морские пехотинцы, веселые и злые, многие перевязанные, кого-то тащили на руках, кому-то просто помогали идти. Костры уже погасли, было темно как в аду, ночь освещали только трассеры и ХИСы, набросанные среди поломанных деревьев и пней. Со стороны посольства, со второго этажа непрерывной очередью заработал пулемет, посылая пули в невидимого нам противника – они летели так низко, что сопровождающие меня вынуждены были пригнуться. Отстреляв целую ленту, пулемет заглох – пулеметчики должны присоединиться к отступающим, дольше там находиться нельзя. Отступая среди деревьев, целых и поваленных, огрызаясь огнем, морские пехотинцы отходили в нашу сторону, к площадке, на которую уже садился вертолет. Прикрытия штурмовиков не было, в такой крошечной тьме существовала вероятность столкновения. Со снижающегося вертолета канониры тоже вели почти непрерывный огонь, на борту были установлены автоматические гранатометы, и их огонь выручал отступающих как ничто другое. Наконец вертолет приземлился на площадку, с уже открытой аппарелью, бортмеханик включил освещение в десантном отсеке, и меня, в числе первых раненых, втащили в грохочущее, дребезжащее чрево вертолета. Носилки поставили у самой кабины, как раз рядом с огневой установкой правого борта – канонир посылал короткие очереди из гранатомета, а в десантный отсек один за другим, самостоятельно и с посторонней помощью, запрыгивали морпехи, располагались на откидных сиденьях у стен, на полу, перезаряжали оружие, с кем-то уже колдовал санитар. Посольский доктор ругался на канонира последними словами, потом встал и пошел помогать раненым. А канонир все стрелял и стрелял, менял ленту и снова стрелял, потом турбины взвыли на оборотах, и огромная птица неожиданно легко оторвалась от земли, унося нас к своим.

Хвостовую аппарель закрыли не сразу, там была пулеметная точка, пулеметчик стрелял куда-то вниз, пристроившийся за нами хвост «В-80» тоже стрелял, опустив до предела свою пушку. И в распахнутом настежь зеве хвостовой аппарели я – вертолет качнуло – на мгновение увидел пылающий, подожженный во многих местах Тегеран...

**28 июля 2002 года**  
**Висленский округ, сектор Ченстохов**  
**Седьмая тяжелая бригада**  
**Казаки...**

В город приказали не входить, ждать жандармерию.

Преодолев за два с небольшим дня расстояние от Варшавы до Ченстохова, седьмая тяжелая бригада встала лагерем у металлургического комбината, направив на пышущее жаром и дымом чудовище стволы скорострельных пушек. Рабочие, вот они-то действительно были патриотами Польши, даже во времена рокоша не остановили завод, не заглушили печи. Придя к казакам с делегацией, они получили заверение, что если со стороны завода не будут стрелять, никто и по ним не откроет огня. Тогда же, по просьбе самих рабочих, казаки выставили посты на заводе, чтобы боевики не проникли на него.

Сигнал тревоги прозвучал после обеда, обед уже успели умять и сейчас подумывали насчет сна, кто-то выставлял палатки, кто-то оборудовал периметр безопасности. Поставив бронемашины в каре, внутри организовали нечто вроде лагеря и штаба, развернули спутниковую антенну и даже подняли беспилотник, чтобы, не дожидаясь помощи, начинать самим разведывать и наносить на карту обстановку.

Тихон разобрался со своей порцией обеда и принялся за обслуживание оружия – стрелял он из него мало, большей частью справлялись пушки, только поэтому он счел возможным сначала пообедать, тем более что принять горячую пищу последний раз удалось два дня назад, все время, пока они шли к Ченстохову, пробавлялись сухпаем. Чистить оружие он пристроился на броне тяжелой БМП, насвистывая старинную казачью «Ой, то не вечер...», по этому свисту его, видимо, и нашел Буревои.

– Тихон! – Он вскочил на броню, какой-то красный, как из бани. – Что ты?

– А чего?

– Двигаться надо! Спых!

– Что за спых?!

– Крупная банда к границе идет, летуны ее засекли и немного потрепали, но у них, похоже, заложники. Мы ближе всего от них. Давай, садись в седло...

– Да пошел ты... Есаулом командовать будешь, – вяло ругнулся Тихон, понимая, что покой им только снится.

Тронулись на четырех тяжелых БМП – монстры по сорок пять тонн, способные держать выстрел из гранатомета и вооруженные пятидесятисемимиллиметровками, в то же время могут давать до шестидесяти километров в час на хорошей дороге. Вот сейчас они и шли по такой дороге в сторону австрийской границы, верней, не по самой дороге, а параллельно ей. На дороге было много брошенной техники, автомобилей, и расчищать ее было некогда...

Тихон на сей раз сидел не на броне, наблюдателем был другой. Ему досталось место в десанте, гулкое, тряское, вытряхивающее всю душу, но все же безопасное...

– Эх... к дому бы вернуться! Как жать зачнут – так бы и в помощь... – сказал один казак, заросший неопрятной щетиной, но с ласковыми и большими, словно у теленка, глазами.

– До белых мух тут простоим, – мрачно буркнул Буревои, – если не до следующего года.

– Варшаву же сдали, – возразил Тихон.

– Сдали... как сдали, то нам лучше и не знать. Мабуть, и лучше было бы с боем взять. Эти... видал, как зыркали? Непоследний раз здесь, братья казаки, ох, последний.

– А там-то что?

– Банда там, сказано же.

– Эх, ну не пойму я, братья, – вступил в разговор еще один казак, худой и чернявый, но крепкий как проволока. – Вот мы шли через деревню... ну, зараз километров за пять до города, помните?

– Ну?

– Как живут люди! У нас так атаманы не живут, как здесь казаки живут.

– Какие тебе тут казаки? Окстись.

– Ну, это я к слову. Живут здесь дюже богато... хоромины кирпичные. У кого и на три этажа. Баз<sup>9</sup> – так на целую ферму. Так чего же им надо, супостатам?

– Поляки...

– Приедем, у них и спросишь. Зараз ответят.

– Нет, зря как следует не брухнулись. Дурная здесь порода, выводить надо.

– Рот закрой.

Боевую машину в этот момент тряхнуло особенно сильно – ввалились в какую-то яму.

– Так чего же они... – не унимался один из казаков, – своих захватывают. Они же все про нацию гутарят – нация, нация...

– Задрал ты, Пахом... – беззлобно проговорил Буревой. – Как языком чесать, так ты первый. Иди у них спроси, мабуть, и ответят.

– Как дело делать – так тоже не последний.

– Ну вот... Сейчас и решим...

Боевые машины пехоты стояли на взгорке, направив скорострельные пушки в сторону села. Это здесь село – в России такое село назвали бы поселком частного жилья, просто не верилось, что такие дома могут себе позволить обычные крестьяне, а здесь даже одноэтажные дома были из красного кирпича.

*Контрабандисты, понятное дело.*

Подошел еще один грузовик, в нем были тоже казаки – местные, выдержавшие осаду в одном из секторов, пунктов временной дислокации, – в осаде и со снабжением только по воздуху, они дождались броска русской армии на запад и вчера были деблокированы. Техники было много, ВВС царили в небе, а вот людей не хватало почти везде<sup>10</sup>.

– В банде человек пятьдесят, вооружены автоматическим оружием. Мы запустили беспилотник – в населенном пункте одни бабы. Да эти еще... И дети. Почти ни одного мужика не видели.

– Мабуть, они к себе домой и пришли?

– Не... Неместные эти. Видно.

– А что, казаки тогда где?

– Казаки... – передразнил коренастый, с седой неопрятной бородой сотник, он пробыл все это время в осаде и за эти трудные дни весь поседел. – Сами еще не поняли, где? Бандитский край, бандит на бандите...

– Пьют?

– Нет, не видели.

– Странно, здесь спирта в домах полно. Могут напиться, потом заложников начать расстреливать под это дело, – сказал сотник, – а ночью пойдут на прорыв. Заложников возьмут, на них же навьючат то, что с собой будут брать, как заводных лошадей спользуют<sup>11</sup>. Остальных и порешить могут...

---

<sup>9</sup> Скотный двор.

<sup>10</sup> Издержки формирования армии. Армия была высокопрофессиональной, с упором на ВВС и флот, на миллиард жителей приходилось примерно 2,6–2,7 миллиона военных. Была жандармерия, но и ее было немного. Потому на земле, даже с учетом казаков, людей не хватало, каждый был на счету.

<sup>11</sup> То есть запасных. Заводная лошадь используется, когда первая устанет или для перевозки поклажи.



– Так уж и порешить, – высказал сомнение один из мобилизованных, в звании старшего урядника.

– А и порешат! – выверился местный сотник. – Не знаешь, а гутаришь! Я тут не одну неделю кувыркаюсь, сюда ехал – волосы как вороново крыло были. Сейчас посмотри! Проедься по деревням, посмотри, что там творили!

– Смолкли зараз! Не время!

Казаки, раздухарившись, могли бы и за грудки друг друга – осадили назад.

– Надо окружить станицу. Не дать вырваться.

– Нас мало, фронт сформировать не сможем. Прорвутся, ночью тут темень хоть глаз выколи. Им только до леса добежать, там ищи-свищи. Подмоги не ждать до утра, к утру их уже не будет. Пойдут на прорыв, пойдут. Они все понимают...

– А техника у нас?

– А заложники?

– Может, сформировать сплошную линию заграждения к югу? Они на юг пойдут.

– С чего взял! Они куда угодно пойдут, им только до первого леска. Местные все поголовно – за них, спрячут.

– Тогда только штурм остается. Ночью. Пластуны есть?

– Ушли уже пластуны туда...

Польское село...

Казалось бы, обычное село, обычные крестьяне. Да нет, не те, не обычные...

Польское приграничное село – место, где в одном котле – национализм, шовинизм, ненависть (особенно к евреям-жидам), презрение к закону, контрабандный спирт, разборки из-за него. Ненависть к русским, к казакам.

Адское варево получается.

При всем при том – поляки аккуратисты, почти как германцы. Все чистенько, улицы часто даже не заасфальтированы, а замощены брусчаткой. Аккуратные дома – их строят из кирпича, благо глина есть, а русская власть не берет податей с обжига кирпича и некоторых других ремесел, чтобы люди занимались делом, а не шастали через границу со спиртом и с оружием. Но поляков на все хватает – и на спирт, и на кирпич.

Самое главное здание в селе – это не сельская ратуша, орган местного самоуправления, наподобие земств в России, а костел. Костел для поляков – больше чем костел, только через костел, через единую молитву по субботам можно ощутить себя поляком, почувствовать принадлежность к польскому народу. В Польше в костел ходят не меньше шестидесяти процентов населения – все католики. Пойти в костел – значит не только вознести молитву Господу, который для всех един, но и возвестись самому над тупым русским быдлом, исповедующим византийское лукавое православие. Только собака не ходит в костел по субботам.

При этом предельно практичные поляки использовали костел не только для молитв. В каждом костеле был большой подвал, раньше, когда еще бывал голод, туда ссыпали часть урожая, это был как бы неприкосновенный запас для всего села, для всей общины. Сейчас случаев голода не было, а большие подвалы прекрасно подходили для хранения оружия и канистр со спиртом. Если казаки обыскивали костел, можно было по этому поводу поднять скандал до небес.

Бандиты пришли в село из леса. До этого они пытались выехать по дороге, вывозя на колонне большегрузных машин «нажитое», – но над дорогой появились русские штурмовики. Оставшиеся в живых «работники ножа и топора, романтики большой дороги», спасаясь от огня автоматических пушек, кинулись в лес, бросив машины. Добежали не все, и потому они были злы.

Все произошло ночью – они рассчитывали, что русские по темноте не летают, но ночь их не спасла.

Проплутав по лесам почти до полудня, они вышли аккурат к селу – грязные, испуганные, озлобленные, вооруженные. Раньше бы поопасались – здесь у каждого ствол под подушкой, но теперь законов никаких не было. Да и знали они, что все мужчины ушли защищать неподлежность Польши, мало кто остался по домам. Опасаться было нечего и некого.

Немногочисленные жители, увидев идущих из леса боевиков, вышли на улицу – мужчин почти не было, бабы, старики и дети. На руках у бандитов были повязки польского, бело-красного цвета, но это сейчас ничего не значило.

Престарелый ксендз в черном одеянии, с крестом в руках шагнул вперед, навстречу бандитам:

– Во имя Господа нашего...

Договорить священник не успел – один из бандитов ударил его ногой в грудь, и ксендз упал. Остальные селяне заволновались, но стволы автоматов и пулеметов были нацелены на них с расстояния в десяток шагов.

Дальнейшие действия банды были хорошо отработаны, в зачистках они уже успели поучаствовать. Немногочисленных мужчин и подростков отделили от толпы, загнали в крепкий, тоже каменный сарай и заперли. Расстреливать не стали, поляки все же. Узнали, нет ли русских и жидов – одного человека, который показался похожим на жида, старика, расстреляли на месте. Потом пошли в село, присматриваясь к бабам.

Кто это был? В основном банда состояла из дезертиров насильника. Одним из последних королевских эдиктов Борис Первый объявил насильственную мобилизацию на защиту неподлежности Польши в западных регионах страны, так называемый насильник. На запад Висленского края подвезли немало оружия из Австро-Венгрии, да и контрабандного здесь хватало. Получая оружие, местные, а здесь никогда не чтили закона – использовали его для разборок с конкурентами и своими же, для сведения счетов. Убивали русских, сербов и жидов – тех, кого могли найти, тех, кто не успел уйти к казакам или убежать. Потом, когда русские (считалось, что это сделали русские) похитили Бориса Первого прямо из Ченстохова, оборона запада Польши стала постепенно разваливаться, русские пошли в наступление не сразу, а только увидев, что она разложилась в достаточной степени. Составленные из насильника подразделения, а они формировались по территориальному признаку, мгновенно превращались в банды. Не все, конечно, – кто-то закапывал оружие и расхаживал по домам ждать русских. Придут русские, проведут проверку паспортного режима – для тех, кто разошелся по домам и не оказывал сопротивления, наверняка выйдет амнистия. Как немного уляжется, так и опять можно будет жить в нормальном государстве, гнать через границу спирт и бадяжить из него паленую водку. В конце концов – этот рокош был какой-то дурацкий, несерьезный, одни убытки от него получились.

Скорее бы порядок...

Бандиты заняли костел, наверх поставили снайпера и пулеметчика, выставили несколько постов, чтобы люди не разбежались из села. В подвале костела нашли, естественно, спирт, первого, кто хлебнул адского зелья, командир пристрелил. Это оказало отвезвляющее воздействие на остальных – иначе могли бы перепиться.

В костеле же устроили туалет. Решили дожидаться ночи и сдергивать. Группа пошла мобилизовывать носильщиков, зарезать несколько свиней на жратву и заодно присмотреть красивых баб. Война всегда предполагает насилие – и над женщинами в том числе. Оно будет до тех пор, пока есть война.

Среди тех, у кого хватило ума не выйти к «освободителям» – а некоторые восприняли их именно так, была и девятнадцатилетняя Маритка. Отец был в тюрьме – попал туда за спирт, брат пошел служить в армию, чтобы получить там необходимые навыки и, вернувшись, тоже заняться контрабандой спирта. В доме были только она, мать и младшая сестренка. Такие

семьи в деревне имелись, им помогала мафия, польские воры из кассы взаимопомощи, общака, куда отстегивали все, кто был на воле и делал дела.

Маритка росла, как стебелек травы, после окончания гимназии хотела поступить в Варшавский политех, но не удалось. Осталась в деревне, чтобы на следующий год попробовать еще раз. А пока устроилась в пекарню к пану Гнедому – это фамилия такая странная была. Пан Гнедый, улыбочивый толстяк, типичный повар с картинки, обрадовался такой работнице. Он был весьма неловким, а в пекарне места мало, и так получалось, что они часто сталкивались – она, когда шла за свежей выпечкой, и он. Приходилось терпеть.

Кавалеров у Маритки хоть отбавляй, особенно настойчивым был один, по имени Казимир, но ей никто особо не нравился. Казимир был красивым, но не деловым каким-то, не хватким – она это чувствовала. Такой ей не нужен, постоянного кавалера, а потом и мужа она рассчитывала найти в Варшаве.

Бандитов она рассматривала, спрятавшись на крыше, и когда увидела, как один из них пнул ксендза Грубера, так что тот упал, поняла, что пришла беда.

Матери дома не было, и предупредить ее никак не получалось, но вот Ленка дома была. Именно Ленка, не Лена – так звали младшую сестру. Она родилась как раз до того, как взяли отца, ей было девять лет, и ждать отца ей оставалось еще три года – тогда за контрабанду столько не давали, но отец еще и таможенника тяжело ранил, пытаясь уйти. Внешне она была почти точной копией сестры – зеленоглазая ведьма.

Маритка ворвалась в дом через дверь, ведущую в кухню из сада, заполошно огляделась: – Ленка! Ты где?

Ответа нет.

Комната... Гостиная... помнящая еще руки брата, он сам все тут делал перед тем, как пойти служить. Никого. Еще одна комната – спальня матери – никого.

Маритка в панике ринулась наверх, лестница была узкой, винтовой, она чуть не упала. Комната за комнатой – нигде.

– Ленка!!!

На улице уже кто-то шел, это было слышно. Она бросилась вниз.

– Не нашла, не нашла...

Сестра выскочила из кухни, чумазая, обезьянничая и строя рожи.

– Глупая! Что ты делаешь?!

– Не нашла... – Сестренка осеклась, понимая, что происходит что-то нехорошее.

– Пошли прятаться.

– А зачем?

Маритка, не отвечая, потащила ее из дома:

– Надо. Сейчас мы спрячемся и будем сидеть тихо-тихо...

В каждом доме здесь было где спрятать и где спрятаться. Приходили с обысками, искали спирт, оружие, разыскиваемых. Прятались и прятали кто где.

– Сейчас казаки придут. Надо затаиться.

– Да... поняла.

Здесь это было понятно каждому ребенку – раз идут казаки, значит, надо прятаться.

В этом доме прятались в двух местах – подвал был двухуровневый, но этого никто не знал, второй тайник – у сарая со скотом. Что-то вроде фальшивой стены – не каждый найдет, хоть и неудобно.

– Давай. Быстрее.

– А где казаки?

– Идут, прячась! И тише!

...Трое дезертиров – у одного из них был ручной пулемет – подошли к раньше богатым, а теперь обветшавшим воротам. Сквозь краску кое-где проступала ржавчина. Один из боевиков забухал ногой по воротам:

– Открывай!

Ответа не было.

– Открывай, не то зажжем!

Ворота уныло гудели, но толку не было. На дворе злобно лаяла собака – Маритка не догадалась спустить.

– Нету никого...

Один из бандитов злобно ощерился:

– Есть... Это Лесневских дом. Лесневский мне по жизни должен, сука! Я его из-под земли достану.

– Да мызнул он.

– Не... Сам он зону топчет, гнида, но у него баба тут и дочки две. Я их из-под земли достану и впорю – из глотки вылезет!

Один из бандитов, видимо, еще не до конца потерял совесть:

– Детей-то пошто? Не по закону. На кичман зарулим – за беспредел отвечать будем, в параше утопят за такое. Я не подписываюсь.

Бандит, злобно ощерясь, достал пистолет:

– Сейчас кругом беспредел – одним беспределом больше! Рокош все спишет! Не хочешь – постой в стороне, посмотри. Отойди.

«Браунинг» гулко бухнул дважды, бандит пнул двери, и они поддались.

– Пошли!

Навстречу, исходя злобным лаем, рванулась сидящая на цепи собака – бандиты вскинули оружие, и разорванный очередями кобель покатился по земле, окропляя ее кровью.

– Э, пан Лесневский! Я пришел!!! – заорал бандит.

Маритка вздрогнула – лай, очереди, а потом еще крик. Кто-то выкрикнул их фамилию! Значит – пришли за ними.

Она знала правила. Каждый, кто замаран в криминальном бизнесе, в любой момент может ответить за свои дела – немало в приграничном лесу безымянных могил, а у местных исправников – нераскрытых дел-глухарей. Но семьи трогать было нельзя, разбирались мужчины между собой. Только последние беспредельщики осмеливались трогать семьи – для них любой приговор суда означал смерть. Попади такой в камеру, его насиловали, а потом мучительно убивали. Места для таких, что по ту сторону закона, что по эту – не было.

– Это нам крикнули? Это казаки?

– Молчи! Тише! Ни слова!

Маритка сделала страшное лицо, замахнулась, и сестра и в самом деле испугалась.

– Тише!

*Только бы не сюда... Только бы не сюда...*

Бандит вышел в сад, подозрительно огляделся. Он не верил, что Лесневских нет дома – хотя бы потому, что на первом этаже горел свет, а на столе – приготовленная недавно еда. Лесневский в свое время сильно подставил его самого и его брата – в той разборке брат погиб, а он сам чуть не стал инвалидом, получив три пули из автомата, но врачи выходили. Теперь он жаждал свести счеты, хотел специально съездить сюда, но получилось так, что они вышли на это село. Словно сам Йезус ведет его по дороге мести.

Или Сатана – какая разница.

Бандит решил помочиться. Подошел к скотному двору, расстегнул ширинку, начал мочиться на стену, когда услышал шаги.

- Что? – не оборачиваясь, спросил он.
- Никого. Мызнули.
- Здесь где-то они... Здесь у каждого, будто у лиски, нора, и не одна. Искать надо.
- В огород ворвался третий бандит:
- Казаки! Окружают!

- Где мама?
- Она...
- Говори.
- Она сказала не говорить... она к этому пошла.

У мамы был друг сердца, любовник, в общем. Как к этому отнесется отец, Маритка не знала, но сейчас она испытала облегчение. Значит, матери нет в селе вообще, и опасность ей сейчас не угрожает.

В их небольшом темном укрытии отвратительно воняло мочой – часть все же просочилась.

- Мари...
- Тихо ты!

Бандитов уже не было, она смотрела через доску, там был вынут сучок. Почему они убежали, она не поняла.

Но если начнут искать, рано или поздно найдут. Она понимала, что такое беспредельщики, и не ждала от них ничего хорошего.

Надо бежать...

Внезапно она вспомнила кое-что. Брат показывал.

Подпрыгнув, она уцепилась за нужное место, и тяжелый сверток увесисто бухнулся на вытопанную землю. Сверток был из промасленной бумаги и перевязан в несколько оборотов веревкой.

Маритка перегрызла веревку, отплевалась. У самого низа немного проникал свет, доски неплотно прилегали к земле, она осторожно положила промасленную бумагу туда. Брат предупреждал, что это – только на самый крайний случай, и этот случай настал.

На бумаге лежал тщательно смазанный пистолет-пулемет «МР-5», толстая сосиска глушителя к нему, несколько магазинов и патроны DWF в белых коробочках. Там же была специальная губка – она впитывала влагу и не давала появляться ржавчине.

- Что там? – любопытствовала сестра.

Маритка, не отвечая, разорвала одну из коробочек, блестящими золотистыми патронами начала набивать магазин, ругая себя за то, что не обгрызла ногти.

...Снайпер выстрелил. Раз, потом еще раз и еще. Проверяет среднюю точку попадания, пристреливает незнакомую винтовку. На винтовке глушитель, с такого расстояния выстрелы не слышны.

– Ориентир – костел. Расстояние восемьсот двадцать. Снайперский расчет, второй номер с пулеметом.

Снайперский расчет даже не заметил, что село обстреляли. Впрочем, какой там снайперский расчет, один мудак с винтовкой и другой мудак с пулеметом, никто из них даже не ведет наблюдения.

- Есть.

– Второй ориентир. Красная крыша, на ней петух, двести влево. Девятьсот семьдесят. Назовем «петух».

- Есть.

Петух был жестяной, не настоящий. Крестьянский символ фарта, не воровской.

– Правее сто, крыша синего цвета, на ней кот. Расстояние семьсот сорок. Ориентир назовем «кот».

– Есть.

Вот это уже символ воровского фарта. Кот – Коренной Обитатель Тюрьмы.

– Ориентиры есть, господин урядник.

– Вижу...

Урядник – у него на шевроне была нетипичная для казаков звезда, как еврейская, только пятиконечная и черная, лежал уже больше часа, не шевелясь. Тихон никогда не видел такого... и такой звезды он тоже не видел. А спросить опасался – внешний вид урядника не располагал к расспросам. Он почти ничего не говорил – Тихон не слышал от него фразы длиннее трех слов, а часто он обходился одним. Он мог долго, очень долго лежать и не дышать – Тихон мог поклясться, что это так...

*Черная звезда на шевроне означала не знак дьявола, как это кому-то могло показаться. Это был знак специального подразделения с Дальнего Востока и обозначал он сюрикен – метательную звезду ниндзя. Граница с Японией у России была большой, и гости оттуда приходили самые разные, в том числе и воины-тени. Казаки из этой специальной группы добровольцев занимались тем, что собирали обрывки информации о боевой подготовке ниндзютсу и пытались что-то перенять для себя. Сейчас снайпер дышал, но дышал он в пять раз реже, чем дышит нормальный человек. Так в полуанабиозе он мог пролежать день, потом ночь, а потом еще один день. Там, где он служил, он тоже побывал в осаде – поляки сами сняли ее через несколько дней. Потому что по ночам у них бесследно пропадали люди.*

Урядник молчал. И Тихон молчал. Тихон не знал этого урядника и никогда его не видел, тот был не из Вешенской. Просто почему-то он осмотрел казаков и молча показал в его сторону пальцем, и Тихону отдали приказ сопровождать урядника и прикрывать его. В каждой БМП лежал комплект вооружения для пехотного отделения, среди них была и снайперская винтовка Драгунова со складным прикладом. Эти четыре винтовки сейчас пришлось как нельзя кстати, но в дело пока не пошли.

И все бы нормально... Только вот как-то неуютно было лежать Тихону рядом с этим странным урядником. Как будто сзади смотрит кто, сверлит глазами затылок. Очень неприятное чувство...

Тихон оглянулся украдкой. И НЕ УВИДЕЛ снайпера. Хотя он должен был лежать в метре от него!

Не поверил – не мог он испариться. Моргнул – да вот же он... лежит.

*Чудеса...*<sup>12</sup>

– Послушай меня. Ты помнишь, как ты бегала за калиной?

– Да. Помню...

– Вот и хорошо. Сейчас мы побежим так же, быстро-быстро. И тихо.

– Как феи?

– Да, милая. Как феи.

Ленка шмыгнула носом:

– Это ведь не казаки.

– Кто, милая?

– Эти... дяди. Они по-польски разговляли, я слышала.

---

<sup>12</sup> Чудеса – не чудеса... Но с подобным сталкивались американцы в боях Второй мировой и потом во Вьетнаме, и было это не раз и не два. Нельзя это объяснить усталостью или чем-либо иным, потому что и дружественные САСШ южные вьетнамцы умели это делать. Очень древняя и до сих пор секретная техника.

Маритка не знала, что ответить. Иногда сестра начинала задавать такие вопросы, что хоть стой, хоть падай, а отвечай.

– Это бандиты. Они плохие дяди.

– А они за нами пришли или к папе?

Маритка вспомнила, что ей показывал брат. Затвор на этом автомате – впереди, надо вставить магазин и отвести затвор назад, а затем отпустить. После этого можно будет стрелять. Здесь все умели стрелять, и брат – отца тогда уже не было – не раз вывозил ее в лес. Так тут жили. Но она не знала, сможет ли выстрелить в живого человека.

– За нами, Ленка. За нами.

– А папа плохой?

*Вот и думай, как тут ответить.*

– Папа не плохой... Папа... запутался, понимаешь?

– Нет.

– Вырастешь – поймешь. Помни – тихо-тихо, как феи. Пошли.

Лаз был внизу, не на уровне глаз. В этом была одна из хитростей – человек всегда ищет что-то на уровне своих глаз, своего роста, потом – выше и только в последнюю очередь – ниже. Пригнуться для человека – несвойственно. Она в последний раз посмотрела, нет ли кого, отодвинула заслонку и вылезла первой.

Никого. Только какой-то шум на улице, крики.

– Пошли. Быстрее, быстрее, вылезай!

Ленка испачкалась, но вылезла... И вместе они побежали – дальше там был сад, плодовые деревья, которые сажал еще отец, а были и дедовской посадки яблони. В самом углу садика небольшой навес, там были инструменты, и там любил работать отец – он, когда не таскал через границу спирт, занимался столярным делом, был отличным столяром. Там же калитка, ведущая на зады, из деревни.

– Тихо, давай. Бежим к лесу, хорошо?

– Хорошо.

Она открыла калитку...

Ленка, маленькая, проскочила, а она попала в чужие лапы, но тоже умудрилась вывернуться. И растянулась на земле, не удержалась.

Один из бандитов, небритый, злобный, смотрел на нее, ухмыляясь:

– Яка гарна пани... Пана Лесневского дочка?

Маритка, забыв, что у нее на боку автомат, даже не попыталась воспользоваться им – она поползла от бандита.

– Ленка, беги!

Бандит ничего не успел сделать – на белой рубашке, с левой стороны, напротив сердца, брызнуло красным, вдруг появилась сочащаяся кровью дыра. Он недоуменно посмотрел на нее, а потом его колени подогнулись, и он упал, где стоял.

– А...

Она начала, отталкиваясь ногами и руками, отползать от бандита. Потом перевернулась, как кошка, вскочила на ноги и бросилась опрометью, вопя, словно сирена – бегать, как фея, увы, не получилось...

– Цель, – произнес снайпер. Казак посмотрел в стереоскопический прибор наблюдения, который ему выдали и с которым наказали обращаться очень осторожно, потому как если разобьешь – вычтут за него. Казенная вещь.

– Гражданские, – по-уставному ответил Тихон, он не знал, как обращаться со своим соседом, тот был в казачьей форме, но казачьего в нем было очень мало. – Двое. Э... оружие, господин урядник. У одной оружие.

Треск пулеметной очереди заставил Тихона нервно вздрогнуть, дрогнуло и изображение в трубе.

– Цель, – повторил урядник, – наводи.

Связаться со штабом он так и не подумал – в этих играх никто ни у кого не запрашивал разрешения.

*Никто не собирался вызывать переговорщиков, выслушивать какие-то требования бандитов, предоставлять им наркотики, вылет в другое государство на самолете. Правила были хорошо известны обеим сторонам. Казаки попытаются выволить заложников, если смогут. Бандиты, прикрываясь заложниками, попытаются прорваться в лес. Но тот, кто вылез за пределы села, тот, кто неосторожно ведет себя на улицах – тот мишень. Снайперы уже здесь, и они не станут долго размышлять...*

*Таковы правила. Может быть, поэтому случаи захвата заложников в Российской империи были очень большой редкостью.*

– Ориентир – костел. Восемьсот двадцать. Пулемет.

Пулеметчик на костеле увидел бегущих к лесу баб, верней, бабу и ребенка, и ему захотелось поупражняться в стрельбе. Цепочка пыльных фонтанчиков взрезала поле возле ног бегущих, ребенок упал, но начал подниматься. Ранена? Теперь Тихон видел, что это маленькая девочка. Каким же гадом надо быть...

Бухнула и винтовка и сразу же – еще раз. Сам Тихон неплохо стрелял, но никогда не слышал, чтобы два точных выстрела можно было сделать с такой скоростью. Господи, нужно же повторно прицелиться...

Один из бандитов вылетел из гнезда наверху костела и полетел вниз, второго видно не было. Тихон вдруг понял, что в живых нет уже обоих – ни снайпера, ни пулеметчика.

– Левее на три деления от ориентира «петух». Семьсот девяносто. Две цели.

И снова – сдвоенный выстрел. Две небольшие фигурки – один из бандитов пытался вести прицельный огонь с колена – сбитыми кеглями упали на землю.

*Джинба-иттай...*

*Искусство единения всадника и коня. Японские самураи, используя юми, средний японский лук, умудрялись попасть в цель размером примерно в половину от современной мишени для стрельбы из лука с пятисот шагов. При этом стреляли они не с места, а с бешено несущейся лошади! Тренировались по-разному. У каждого самурая, имевшего желание практиковаться в стрельбе из юми, был специальный загончик, туда слуги загонял бродячих собак. Некоторые тренировались в стрельбе по крысам, ставя приманку.*

*Многому, очень многому может научить Восток...*

– Они бегут к нам. – Тихон зашевелился, но вдруг словно что-то невидимое придавило его к земле.

– Лежи. Они придут, – сказал урядник.

Девчонки – на таком расстоянии они уже не воспринимались как гражданские единицы, это были именно люди, вдруг немного повернули, теперь они бежали прямо на них.

Лес ждал их...

...Строчка фонтанчиков полоснула у самых ног, больно брызнул песок и мелкие камешки. Маритка вдруг поняла, что стреляют ПО НИМ.

– Беги!

Ленка споткнулась и упала на полном бегу.

– Ленка!

Девочка начала подниматься. Пулеметчик дал новую очередь, пыльные фонтанчики били в опасной близости от них.



Она подхватила сестру, хотя девочка и сама вставала. С ужасом Маритка заметила, что лицо у Ленки в крови.

– Бежим!

Сердце колотилось в груди, как пойманная птичка. Лес был совсем рядом – и в то же время лес был безумно далеко.

Делать нечего – она так и потащила притихшую, сопящую сестру на руках, выбиваясь из сил. В спину им больше никто не стрелял. Ей показалось, что в одном месте деревья растут ближе, потом она попытается понять, почему ей так показалось, но так и не поймет. Она бросилась туда... спасительный лес, здесь все время прятались от казаков, а теперь прятаться придется от бандитов. Но ничего... рано или поздно уйдут, не впервой.

Она вбежала в лес, ветка хлестнула ее по лицу. А потом лес расступился и обхватил ее, она даже сделать ничего не успела, ничего не успела понять. Только пискнула, словно котенок, Ленка.

– И откуда это у тебя, пани?

Лес стоял перед ней в образе человека – страшного человека, она никогда такого не видела, если бы в других обстоятельствах, подумала бы, что лесовик. Но это был не лесовик – лесовики не говорят по-русски и не интересуются оружием.

Если попала к казакам – надо молчать.

Человек был не просто большим – ей он показался гигантом. Под два метра... уж на что был здоров брат, а этот здоровее, камуфляж и измазанное черным и зеленым, словно у угольщика, лицо. Руки тоже черные, а на голове – черная шерстяная шапочка.

Казак покрутил автомат, которым Маритка так и не смогла воспользоваться, в руках, потом попытался отвинтить глушитель. Он не поддавался. Казак с удивлением взгляделся:

– А, вот так...

Глушитель крепился не на резьбу, а на быстросъемный замок. Надо было поднять что-то типа замковой дужки, и он снимался быстро, просто и удобно.

– Где нашла? – спросил казак.

– В лесу! – с вызовом ответила чуть пришедшая в себя Маритка.

Казак стащил с себя черную шапочку, и Маритка вдруг увидела, что у него светлые, чуть выющиеся волосы цвета ржи. Почему-то именно сейчас она начала воспринимать его как человека, а не как темную, враждебную силу.

– А домой зачем поволокла?

– Ну как... Вещь... Продать можно.

– И задорого, – поддакнул казак, – только против закона. Жарко тут...

– Не нравится, не ходите! Не ваша земля!

Казак покачал головой. Маритка поняла, что он очень молод.

– Как знаете, пани, – ответил он без злобы. – А что ж не стреляли?

– Не умею.

– Плохо. Много их там? – Казак мотнул головой в сторону деревни.

– Не знаю. – Маритка перешла на нормальный тон, она вдруг поняла, что стоящий перед ней человек, пусть так ужасно выглядящий, не злой, не жестокий и не собирается причинить зло ни ей, ни цепляющейся за ее ногу маленькой сестре. – Человек тридцать, даже больше, наверное. С оружием все. Они ксендза избили, я видела...

– Ксендза?

– Ну... Священника.

Казак покачал головой:

– Это плохо. А этого... знаете? Что вас ловил.

– Нет.

– К деревне можно скрытно подойти?

– Как?

– Ну... чтобы не видел никто.

– Нет, наверное... специально же так строили... – сказала Маритка и осеклась. Казак посмотрел на нее и все понял. И она тоже кое-что поняла.

*Глаза зеленые... ведьмины.*

Казак, не сводя с нее глаз, достал рацию:

– Седьмой, вызываю штаб. Господин сотник, тут двое гражданских сбежали... Да, мы... минус пять... Говорят, человек тридцать, все с оружием, священника избили... так точно. Есть.

Казак убрал рацию:

– Сейчас вас заберут. До завтра посидите при штабе.

*И впрямь ведьмины глаза... Утонуть можно.*

– Как тебя... зовут? – неожиданно для себя спросила Маритка.

– Тихон меня зовут, – просто ответил казак. – С Вешенской мы, с Дона. А тебя?

– Маритка... Лесневская. А это Ленка. Сестра моя...

– А мы от казаков хотели прятаться! – внезапно наябедничала Ленка. Молодой казак только улыбнулся.

– Нехорошо ябедничать. Сейчас за вами придут, при штабе покормят... мабуть, сготовили уже. Голодные?

– Скоро вы... с этими?

– Да, думаю... к ночи и разберемся...

– *И вот еще. Ты... если надумаешь сюда шановну паненку какую привезти, так знай наперед – на круге заporю!*

– *Так дядя Митрий...*

– *Цыц! – старших обсуждать! Дядя Митрий отродясь без царя в голове живет, он младшим был, а я старшим, вот все розги мне и доставались. Зато я человеком вырос! Сравни, как он живет, и как мы. Тем более здесь девки есть, одна другой глаже, вон та же Манька тебе утирку расишила, а ты не взял.*

– *Да нужна она мне... Она в ширину больше, чем в высоту.*

– *Зато дочь наказного атамана, понимать должен! Впрочем, если не любя – неволить не буду. Девоч много и без нее, да и мы не побираемся... Но с какой паненкой приедешь – заporю, вот тебе истинный крест.*

А все-таки – хороша! Ведьма!

Темно-то как...

– Идут, – сказал снайпер.

Тихон приник к пулемету...

– Они видят нас! Через ночь видят!

Атаман банды, уже раненный рикошетом отскочившей пулей, упал на землю, прикрывшись убитой лошастью – лошадей в седле было немного, забрали всех. В небе, пьяно раскачиваясь, освещая все морозно-белым светом, догорала осветительная ракета. Рядом плюхнулся еще один бандит, пошевелился... жив.

– Где Ласло? – заорал атаман.

– У околицы вбили! Всех вбили!

Впереди трещали автоматные очереди, то одна, то другая обрывалась. Стреляли по заложникам – от отчаяния, понимая, что не пройти, и желая забрать с собой хоть кого-то. До леса было метров триста, но до него было так же далеко, как до луны, равнодушной луны, висящей в небе и освещающей всю картину побоища. От леса хлестал свинцом пулемет, хоть

один, но хватало. Но страшно было не это – страшны были пули, летевшие из темноты совершенно без шума и не знающие промаха.

– Всем вместе надо! – заорал атаман, вскакивая. – Еще Польска не сгинэла!!!

И рухнул – с пробитой пулей головой.

*Джинба иттай.*

## 01 августа 2002 года Тегеран

Расстреливали на стадионе. Покойный шахиншах распорядился выстроить стадион и создать команду для игры в футбол – развлечение неверных, им они отвлекают правоверных от своего фард айн<sup>13</sup> – джихада. К большому стадиону была пристроена гостиница, а внутри, под трибунами, располагался целый город, с раздевалками для команд, комнатами для спортивного персонала и персонала, обслуживающего стадион. Все это сейчас было сломано, разрушено, растоптано – в тесных коридорах и комнатах хозяйничали другие люди.

Пленников охраняли не военные – все же новая власть не рискнула ставить на охрану офицерского корпуса их бывших подчиненных, могло произойти всякое. Их охраняли муджахеды, какая-то спешно сформированная гвардия – здоровые, вооруженные автоматами, на головах – повязки с изречениями из Корана, еще одной такой же повязкой обычно прикрыта нижняя часть лица – боятся, что придут русские и потом их опознают по материалам видеосъемки. Пленников выгрузили из машин, пинками прогнали по коридору и затолкали в какое-то темное, неосвещенное помещение. После чего дверь захлопнулась.

Они остались одни. Без света, без оружия.

– Кто старший по званию?! Кто старший по званию офицер?! – негромко спросил кто-то. – Давайте представимся!

В душной темноте кладовки один за другим раздавались голоса, называли имя и личное звание. Дошла очередь и до полковника.

– Полковник Реза Джавад! – сказал он.

Судя по тому, что он слышал до этого, никого старше по званию в комнате не было.

– Полковник, подойдите сюда! – крикнули из темноты.

Спотыкаясь о чьи-то ноги, полковник побрел вперед.

– Мы здесь. Садитесь у стены.

Стена была холодной и сырой. Контраст с установившейся в столице августовской жарой. Лиц собеседников видно не было.

– Я майор САВАК Али Бахонар, рядом со мной – майор Реза Мосальман. Вы полковник Джавад, вы вчера были на параде, верно?

– Верно... А вас там не было?

– Нет. Мы не обеспечивали это мероприятие. Что произошло на параде?

– Спросите у кого-нибудь другого, – буркнул полковник.

– Мы спрашиваем у вас, – голос незнакомца стал требовательным, – вы забыли о субординации, полковник?

– Да пошел ты, – от всей души воскликнул полковник Джавад, – сын собаки! Где ты был вчера? Где вы все вчера были, падаль! Это все из-за вас! Если бы вы взяли под контроль арсенал и доставили нам боеприпасы – ничего подобного бы не произошло. У меня на площади было восемьдесят танков! Восемьдесят танков, ты, сукин сын! И ни в одном из них не было ни единого снаряда! Зато там были такие, как ты, которые, вместо того чтобы контролировать этих долбанных мусликов, контролировали нас, военных. Угроза режиму, мать твою! Если бы мне вовремя доставили боекомплект, сейчас бы здесь сидели эти аллахакбары, а не я! Пошел вон, сын шакала, грязный маниук!

Кулак прилетел из темноты, но полковник уклонился и вмазал наугад в ответ, кулак вошел во что-то упругое, мягкое, ответный удар тоже достиг цели, но рядом уже был кто-то и

---

<sup>13</sup> Фард айн – личный долг в исламе, что-то, что правоверный обязан делать, не оглядываясь на других.

еще, и еще... они пинали что-то невидимое в темноте с гулким хеканьем, с криками... потом кто-то потащил его за руки... а в темноте продолжалась драка.

– Вы в порядке, господин полковник?

Полковник сплюнул куда-то рядом – губа была разбита и грудь болела... но его и до этого сильно избили, а потом гвардейцы ехали к стадиону, пленников положили на пол машин и поставили на них ноги... хуже этого уже ничего не могло быть...

– Твари... – сказал кто-то, присев рядом, – только распоряжаться могут, грязные твари. Просрали страну...

Голос был знакомым.

– Ты кто?

– Не узнал? – мрачно усмехнулись из темноты. – Багаутдин я. Майор Качауи.

– Майор... Что вы здесь делаете?

– То же, что и все. Мы же придворная часть, твою мать... – Военные говорили по-русски, потому что все закончили русское училище. – Как только началось... командир послал две группы, приказ – прорваться в расположение русских, выяснить, что там происходит, и договориться о совместных действиях. Там, вообще-то, три группы были, но одну сожгли целиком при прорыве. По нашим казармам из «Шмелей» били.

– Из «Шмелей»? – недоверчиво спросил полковник. – Их же даже у нас не было.

– Или из чего-то подобного, я не видел. Ираки и всю его группу сожгли, но нам вырваться удалось... у казарм уже бой шел вовсю.

Майор Качауи был сородичем полковника – выросли в одной деревне на севере, на каспийском побережье. Отцы вместе ходили за рыбой на стареньком траулере. Потом Качауи перешел из армии в Гвардию Бессмертных с большим повышением, с тех пор они общались мало, потому что офицеры из Гвардии Бессмертных не имели права общаться с армейскими офицерами, с теми, мятеж которых им, возможно, придется подавлять.

– Кто вас штурмовал? У вас же укрепленные позиции.

– Не знаю. Профессионалы... там снайперы были. С крупнокалиберными винтовками. Огнеметы... очень скоординированный огонь, гражданские так не стреляют.

– А в городе что?

– А хрен его разберет... толпы на улицах... оружие, еле прорвались.

– Танков не видел?

– Нет. А вы что?

– Мы на площади стояли. Парад, мать его. Ни единого патрона, ни единого снаряда. Потом мои же... этим выдали, часть офицеров тоже, часть с ними уже.

– Значит, у них есть уже и танки, – оптимистично определил Качауи.

– А ты куда доехал?

– Почти до Мехрабада. Там русские... нас на дороге грохнули... у аэропорта бой идет, русские держат аэропорт и отбивают попытки этих захватить его...

Помолчали, переваривая новость. С давних времен русские считались здесь окончательной силой, той, что раз и навсегда устанавливает порядок, об этом старались не говорить вслух, но так оно и было. Если русские держат аэропорт... то рано или поздно они начнут переброску в страну десантных дивизий. Если эти... «правовверные» даже будут сопротивляться, все равно русские победят, потому что у них есть боевые самолеты, а это удесятерит их силы. Возможно, высадка уже начата, а морская пехота высаживается на побережье, в приморских городах. Если это так... то последние очаги сопротивления подавят примерно через неделю, вот только их самих уже не будет в живых. Гремевшие за стеной нестройные залпы лучше всего говорили об этом...

– И ты что, цел остался? – неверяще спросил полковник.

Вместо ответа из темноты высунулась чья-то рука... схватила его руку. Он ощутил что-то липкое под пальцами...

– Когда машину нашу накрыли попаданием... я уже дверь распахнул, собрался прыгать. Взрывом меня наружу выбросило... отделался контузией и легкими осколочными. Эти... расстрелять хотели, потом все-таки сюда отправили... там, среди тех, кто осаждает русских, не только персы и эти... есть англоязычные белые... они и командуют. Если бы не они... расстреляли бы меня.

– Кто вас?

– А черт его знает?.. Может, и русские, там у аэропорта мертвая зона... похоже, у них гаубицы есть... с беспилотников корректируют.

Но им это уже никак не поможет.

– Что делать будем? – спросил Джавад.

– Тише... – шикнул майор. – Муртаза! Муртаза, подойди сюда.

В темноте появился еще один человек, его не было видно, его присутствие просто ощущалось...

– Это Муртаза. Из десанта.

Майор наклонился прямо к уху полковника.

– У Муртазы есть нож, – прошептал он.

– А дальше что? – так же тихо ответил полковник. – Ну, снимем мы одного из этих...

– У него будет оружие. Пойдем на прорыв.

– Куда? Куда... ты еще не понял ничего, брат. Нам некуда бежать... нас никто не укроет и не спасет. Нас просто все ненавидят. И растерзают, стоит только нам попасть в их руки.

*Мutilось в голове... Какая-то фраза не давала покоя, не давала думать, казалось – скажешь это, и все будет в порядке. Но он и сам не мог понять, что это за фраза.*

– Э... ты разве не офицер?

– Офицер... Хочешь, расскажу, что было на площади?

– Говори...

– Там был пацан... – полковник помолчал, собираясь с мыслями, – простой пацан... Танк... который натворил все это... там было все кровью залито, брат...

– Шахиншах и вправду погиб?

– Погиб, брат, погиб. Не перебивай, прошу тебя, мне и так тяжело собраться с мыслями... там один из экипажей... по одной трибуне осколочно-фугасным долбанули... не собрать потом ничего было, по второй из крупнокалиберного пулемета... кровь рекой текла... так вот... этот танк проломился через ограждение и ушел в Парк шахидов, твои сослуживцы и саваковцы бросились за ним... идиоты... танк не остановить автоматом. А потом был этот пацан... Понимаешь, простой пацан! Он где-то подобрал автомат, приблизился к пролому, который сделал танк, и выпустил в нас очередь. Понимаешь, это был простой пацан, он подобрал автомат и пошел, и открыл огонь, и мы его убили.

– Ты же знаешь... эти малолетние фанатики... может, у него родственника убило.

– Не убило. А убили. Мы убили, понимаешь? Это не случайность, мы убивали людей, и они все нас ненавидят. А этот пацан – это наш народ, он – из нашего народа, и он взял автомат и пошел убивать нас...

– Ты говоришь не так, как подобает офицеру.

– Я говорю так, как подобает персу. Понимаешь, нас все время учили, что мы офицеры, но мы же – и персы, мы из персидского народа. Куда мы пойдем, если наш народ ненавидит нас?

– Прорвемся к русским.

– До них не дойти.

– Возможно, они уже высаживают десант... может быть, их бронеколонны уже в городе.

– И что? Что это изменит? Даже если мы и останемся в живых... я не могу больше, понимаешь, не могу...

Майор помолчал:

– Помнишь моего отца?

– Мусу-джана? Помню, конечно.

– На Каспии его один раз выбросило за борт... он сам мне рассказывал. Был шторм. Он проплыл в шторм несколько миль... но все же не прекращал грести, пока его не подобрали с катера нефтяников. Мне не нравятся твои слова, они – слова пораженца. И предателя. Хочешь быть с нами – будь. Нет – сиди и дожидайся, пока тебя расстреляют. Это не народ, это чернь. Восставшая чернь. Ничего, кроме кнута и пулемета, она не понимает, потому что чернь – она и есть чернь. Светлейшего больше нет, но мы, офицеры, – есть. И если мы не приведем эту чернь к должной покорности – ничего не будет. Страны не будет, потому что эти – они неспособны строить, они могут только разрушать. Хочешь помогать нам – помогай. Нет – сиди с сидящими, сами справимся. Твое слово, брат...

Полковник вздохнул:

– У тебя был мудрый отец, брат. Я помогу тебе – и да простится мне...

Как он и ожидал, за ними пришли довольно скоро, хотя понятие «скоро» в этом каменном мешке было растяжимым, время они знали по часам одного из офицеров, которые не были разбиты или отобраны. У гвардейца Муртазы, о котором сказал майор, был не нож, а длинная, острая, вшитая в обмундирование спица. Смертоносное оружие, им запросто можно достать до сердца или до печени, а это – смерть.

Когда за стеной что-то зашевелилось тяжелое – засовов нормальных тут не было, замков тоже, и двери импровизированных камер для устойчивости заваливали чем-то тяжелым, – все они напряглись. Их было несколько... и каждый знал свою роль. Возможно, здесь есть предатели... даже наверняка есть... но сделать они ничего не успеют.

Открылась дверь – она открывалась наружу, мощный луч света от аккумуляторного фонаря ударил в камеру, слепя узников:

– Выходить! Шестеро на выход!

Как и было оговорено – не вышел никто.

– Выходить! Шакалы...

Гвардейцы решились – один прикрывал второго автоматом, а этот второй вошел в камеру и, схватив первого попавшегося, потащил его наружу. При этом обе его руки оказались заняты, автомат висел за спиной, да и от плачущего, хнычущего врага, которого ты презираешь, вряд ли можно ждать смертоносного удара...

– Посадите, шейх... у меня есть жена и дети... двое детей, кто их будет кормить...

– Исламский трибунал выслушает тебя, собака... лежать!

Еще один прицелился в офицера, которого уже вытащили из камеры, последний из наряда, четвертый, держал дверь, и автомат был у него не в руках, а висел на боку. Ох, расслабились революционные гвардейцы, расслабились...

– Ты! Пошел сюда! Пошел!

Вытащили еще одного...

– Ты! Ты, ты... куда...

Еще одного – вытащили за ноги.

Четвертый – четвертым вытащили Муртазу, он лег у стены вроде бы неуклюже, но на самом деле из этого положения легко вскочить.

– Ты...

Пятый! Майор Качауи!

*Готовность...*

Третий, что контролировал пленных офицеров у стены, отошел назад, чтобы дать возможность разместить у стены пятого.

– Шейх, прошу вас, шейх! Это все, что у меня есть, шейх, возьмите и отпустите меня! Возьмите и отпустите меня!

Один из пленных имел весьма полезную привычку – он носил крупную купюру под каждой из стелек ботинка, так, на всякий случай. Теперь майор, трясая этими двумя купюрами, встал на колени и пополз к третьему, одному из двух, который держал автомат на изготовку и контролировал пленных. Руки его, с двумя зажатыми в них бумажками по десять русских червонцев каждая, были протянуты к конвоиру, но тот не ощущал это как угрозу, хотя руки пленника были у самого автомата. Он знал, что слуги неверных будут молить о пощаде, стараться подкупить их, потому что такова их мерзостная сущность. Об этом предупредил их мулла и сказал, что тот, кто возьмет хоть туман от неверных, будет поставлен на колени перед строем и расстрелян как предавший дело ислама.

*Еще один стоял в глубине коридора – на всякий случай. Пятый. Но отступить поздно – расстреляют что так, что так...*

– Мне не нужны твои грязные деньги, трусливый шакал! – наслаждаясь своей властью, заявил молодой боец исламской революции.

Майор левой рукой блокировал автомат, схватив его за ствол и отводя от себя, правую выбросил вперед сжатой в кулак и сильно рванул за ствол автомата на себя. Автомат висел на ремне, боец потерял равновесие и упал на кулак майора, врезавшийся ему в горло. Исламист страшно захрипел, стараясь схватить хоть немного воздуха – гортань была разбита и мгновенно распухла, перекрыв доступ кислорода к легким. Прием этот придумали русские, уже давно – как раз для таких случаев. Последователи Мохаммеда обычно казнили своих жертв, поставив их на колени... и вот для этого-то русские изобрели такой прием, позволяющий с голыми руками перейти в наступление с этой позиции...

Боец повалился на майора и принял в спину пули, которые предназначались для пленника, пятый, страхующий, открыл огонь, но с одной стороны был один из своих, а с другой – открытая дверь камеры, наполовину загораживающая сектор обстрела. И тем не менее он решился стрелять и выстрелил несколько раз одиночными, стараясь нащупать цели... что-то сильно ударило майора, едва не повалив на землю, от боли потемнело в глазах, но он знал, что отступать нельзя. Он умудрился дотянуться до пистолетной кобуры на боку уже мертвого, но все еще прикрывающего его своим телом бойца... и выстрелить дважды в конец коридора.

Муртаза, воспользовавшись тем, что конвоиры отвлеклись на секунду, изо всех сил схватил одного, а второму успел, поднимаясь, всадить спицу с обратной стороны коленного сустава, парализовав ногу и задев нервные связки. В этот же миг полковник изо всех сил ударил ногами в дверь, выбивая ее из рук четвертого, и тоже бросился в коридор. Под руку ему попался один из конвоиров, он был на удивление невысоким... но сильным, а полковник был смертельно уставшим, голодным и злым... Они упали на пол, и полковник оказался сверху... и он гвоздил его, бил головой о бетон, пока тот не обмяк и не перестал сопротивляться.

В коридоре грохнули выстрелы, два, один за другим...

– Открывайте камеры! Быстрее! Блокировать коридор!

Это была не тюрьма, это был стадион, совершенно непригодный для содержания арестантов. Если в тюрьме взбунтовавшийся блок можно быстро отрезать от остальных, то тут такой возможности не было.

– Поднимайся! – Чья-то рука оторвала полковника от его жертвы, другая сорвала автомат, затем сунулась к пистолету. – Держи!

Полковник взял пистолет, ощутил его привычную тяжесть... потом посмотрел вниз и понял, что тот, кого он убил на этот грязном бетонном полу, был подросток. Подросток, кото-



рому кто-то дал автомат и головную повязку с изречением из Корана... и отправил убивать неверных. Может ли быть что-то страшнее этого?<sup>14</sup>

– Что встал, пошли!!!

Автоматные очереди хлестнули по ним на выходе из коридора и заговорили автоматы в ответ. Несколько человек упали и с той, и с другой стороны, но из камер вырывались все новые и новые пленники, они бежали вперед... кто-то погибал под пулями, кто-то подхватывал их оружие и продолжал стрелять. Людской вал накатывался на еще живых защитников коридора... и их оружие тоже становилось трофейным... все больше и больше офицеров получали возможность умереть в бою, а не под пулями расстрельной команды... вместе с ними были и гражданские... но и они стреляли или просто умирали... Тех, кто защищал коридор – а среди них было несколько подростков, – забивали ногами, не желая тратить патроны... кровь защитников исламской революции и кровь офицеров погибших в этом проклятом коридоре смешалась в одну жуткую, липкую, остро пахнущую густую массу, покрывавшую во многих местах пол...

Полковник, уже раненый, но не выпустивший из рук пистолета, шел в первых рядах, потому что был вооружен. Он уже успел убить двоих, одного там, у камеры, а одного из пистолета дальше, и продолжал идти вперед, сражаясь за свою жизнь до конца. Адреналин бурлил в жилах, и он не думал ни о чем, ни о народе, ни об убитых – только вперед...

Они выскочили на лестницу, там их уже ждали... в них начали стрелять... полковник тоже выстрелил... и увидел, как от его пули повалился на ступени коренастый бородач с автоматом, а из пробитой сонной артерии исламиста на стену хлынула кровь, раскрасив ее жутковатым багровым узором... кто-то упал рядом... но сзади напирали, и остановиться уже было нельзя. В самом низу в него попала пуля, и он устоял на ногах... а толпа вынесла его к выходу... где обычно собирались футбольные команды... а там были бородачи, уже успевшие занять позиции, и гражданские, кто с оружием, а кто с палками. И в едином порыве загрохотали автоматы с обеих сторон, и две толпы в порыве безумной ярости, топчя своих же убитых и живых, ринулись навстречу друг другу...

Но полковник этого уже не увидел, он не увидел жуткого месива, когда исламисты-фанатики, с ножами, камнями и палками, сметая собственную линию стрелков, ринулись на восстановивших офицеров и сторонников шахиншаха. Он не видел этой бойни, как в безумном порыве убивали друг друга живые, стоя на ковре и на мертвых, и кровь хлюпала под ногами, а патронов не было ни у той, ни у другой стороны, и автоматы использовали как дубинки. Он не видел этого, потому что честно справлял офицерскую службу, и Бог избавил его от этого зрелища.

Полковник Реза Джавад был убит.

Но так погибнуть – с оружием в руках, защищая свою жизнь, – повезло далеко не всем.

Если разобраться, то погибнуть так, как погибли эти офицеры персидской армии и Гвардии, пусть и в безнадежной, но смелой попытке защитить свою жизнь, лицом к опасности и стоя на ногах, а не на коленях, было достойно. Именно достойно, достойно мужчин и военных, иногда лучше умереть так, чем жить как-то по-другому. Пусть они в последний раз выступили против народа... да какой, к шайтану, это народ! Разъяренная, безумная толпа, вооруженная автоматами с разгромленных складов и громкими лозунгами, толпа, ведомая очередным лжепророком «к светлому будущему» во всемирном исламском Халифате, представляющем из себя буквальное воспроизведение первых четырех халифатов древних веков. Это были люди, которые не хотели тянуться вслед за стремительно убегающим вперед по пути технического прогресса миром, это были люди, которые хотели утянуть мир за собой, в пучину примитив-

<sup>14</sup> Увы, может. В нашем мире после исламской революции 1979 года в Иране началась ирано-иранская война. Со стороны Ирана в ней участвовали отряды пацанов-добровольцев, которые бросались на минные поля и разминировали их собой. Восьмилетняя война обескровила Иран, выбила фанатиков и отодвинула идею об экспорте исламской революции.

ного архаизма. По сути – это был предсмертный вопль малограмотных, часто деклассированных людей, которых легко оболванить религиозными лозунгами и которые испытывали ненависть и страх к образованным, принадлежащим к новому поколению людям. Таких людей они боялись – и убивали...

Гражданского инженера Джафара Ад-Дина схватили прямо на объекте, который он возводил, – на новой очереди очистных сооружений, предназначенных для строящегося городского района Тегерана. Потом, уже в камере, более опытные, умудренные жизнью сокамерники рассказали ему о том, что скорее всего на него донесли его же рабочие: нанятые из глубинки бывшие крестьяне-феллахи. Когда он подъехал к огороженному забором из сетки-рабицы объекту – будучи несведущим в революционной борьбе человеком, он искренне считал, что новый очистительный комплекс в равной степени будет нужен новой власти, как и старой, и потому пошел на работу, вместо того чтобы бежать из страны, – весь забор был завешан грубо нарисованными плакатами религиозной тематики. Поскольку для плакатов использовали изоляционный материал, стоящий денег, он обругал рабочих, которые это сделали, и приказал снять все плакаты и приступить к работе. Через час подъехали революционные гвардейцы, самому старшему из которых было чуть больше двадцати лет.

Вот сейчас он и сидел в импровизированной камере, вместе с двумя десятками таких же несчастных, совершивших что-то, что, по прежним меркам, было либо поощряемо, либо просто на это не обращалось внимания, и ждал своей судьбы. Все его мысли были только об одном – об оставшейся без его попечения семье.

Когда открылась дверь и луч фонаря ударил в камеру, слепя несчастных, он уже знал, что это – за ним. Словно шепнул кто-то на ухо.

– Ад-Дин! – заорал гвардеец, они всегда орали, почему-то среди них было нормой разговаривать громко, даже орать. – На выход!

Пожав чью-то протянутую руку, инженер пошел навстречу своей судьбе...

На выходе его больно ткнули в спину стволом автомата. Конвоиров было трое, да еще страхующий – это на него, на одного. Прорыв офицеров, которым удалось убить не меньше четырех десятков гвардейцев, не считая защитников революции, многому научил новую власть, и теперь они соблюдали с пленниками предельную осторожность.

– Шагай, жидовский шпион! – проорал кто-то сзади, злоба буквально звенела в голосе.

– Я такой же, как вы, перс...

Ответом был новый удар в спину, уже более болезненный.

Комната, в которую его привели, использовалась под исламский трибунал – хотя раньше тут было что-то вроде разминочного спортзала, даже спортивные снаряды не успели убрать. Стол, стулья, наскоро намалеванный черный флаг, штатив с видеокамерой, скорее всего из разгромленного магазина. Инженер не знал, что сейчас по всем каналам телевидения – которые еще работали – только и передают чтение Корана да отрывки с таких вот революционных трибуналов, перемежаемые истерическими выступлениями апологетов новой власти. Постоянно говорили про Махди, но где он – никто не знал, на телеэкране он лично до сих пор не появился.

– На колени!

– Что?

Двое гвардейцев сноровисто поставили его на колени перед новоявленным трибуналом, в котором заседали какой-то мулла и двое бородачей, у которых на головах были повязки с изречениями из Корана. Коран же, совокупно с томами шариата, лежали на столе трибунала, заменяя собой все существовавшие законы.

– Говори – во имя Аллаха! – прошипел конвоир.

– Во имя Аллаха! – опасаясь получить новый удар, произнес инженер.

Мулла благосклонно кивнул, и это вселило в душу смертельно испуганного и уже отчаявшегося человека какую-то надежду.

– Твое имя? – сказал мулла.

– Джафар Ад-Дин.

– А имя твоего отца?

– Мухаммад Ад-Дин.

Судья почесал короткую, ухоженную бородку, ею он сильно выделялся среди остальных, заросших вонючими, нечесаными бородами.

– Твой отец был араб?

– Да, но мои предки жили в этой стране на протяжении поколений.

Инженер уже понял, к чему идет дело, – в Персии арабов было меньшинство, но с тех пор, как страна попала под русский вассалитет, их стало больше. Персы ненавидели арабов, а арабы – персов, потому что арабы считали персов идолопоклонниками, а персы арабов – безнадежно отсталыми.

– И моя мать была персидской крови, – добавил Ад-Дин.

– По твоему лицу это заметно... – сказал судья. – Ты больше похож на одного из нас, но это не имеет никакого значения, ведь правоверные – братья друг другу! Скажи, когда ты последний раз посещал мечеть?

Инженер решил не кривить душой:

– Два месяца назад.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.